

INSPIRIA

ЛИССА
КЕЙ
АДАМС

18+

КНИЖНЫЙ
КЛУБ СПЕШИТ

на помощь

18+

INSPIRIA

Passion. Bromance. Тайный клуб

Лисса Кей Адамс

**Броманс. Книжный
клуб спешит на помощь**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кей Адамс Л.

Броманс. Книжный клуб спешит на помощь / Л. Кей Адамс —
«Эксмо», 2020 — (Passion. Bromance. Тайный клуб)

ISBN 978-5-04-165351-4

«Bromance. Книжный клуб спешит на помощь» — третья часть цикла, который так понравился читателям по всему миру. И их можно понять — ведь от этой серии невозможно оторваться. Книги Лиссы Кей Адамс надежно закрепились в списке самых читаемых романтических историй Amazon, который заслуженно назвал серию Адамс лучшей романтической историей года. На этот раз речь пойдет о владелице кошачьего кафе, Алексис, и ее друге, компьютерном гении Ноа Логане. Милая, добрая, отзывчивая Алексис питает слабость к одиноким пушистикам и помогает им обрести новый дом. В ее жизни появляется девушка, которая заявляет, что она ее единокровная сестра. Более того, она просит стать донором почки для их умирающего отца, которого Алексис никогда не знала. Здесь что-то не так (всё не так). Алексис хочет во всем разобраться, поэтому обращается за помощью к лучшему другу, Ноа Логану. Ноа — компьютерный гений. На него вся надежда. Только у Ноа есть секрет: он по уши влюблен в Алексис. Эй, ребята из книжного клуба! Тут одному не справиться. Нужна ваша помощь! ТРЕТЬЕ ПРАВИЛО КНИЖНОГО КЛУБА: В РОМАНЕ УЧАСТВУЮТ НЕ ТОЛЬКО ДВОЕ. «Идеальное сочетание сюжетных поворотов, когда то голова идет кругом, то смешно до колик». — ЭВИ ДАНМОР, автор цикла «Лига выдающихся женщин» «Идеальное продолжение цикла Лиссы Кей Адамс о книжном клубе». — PUBLISHER'S WEEKLY «Самая оригинальная концепция ромкома этого года». — ENTERTAINMENT WEEKLY

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-165351-4

© Кей Адамс Л., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Глава шестая	34
Глава седьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лисса Кей Адамс

Броманс

Книжный клуб спешит на помощь

Посвящается Джерри, моему мужу, лучшему другу и генератору пошлых шуток.

Lyssa Kay Adams
Crazy Stupid Bromance

* * *

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Cover design and illustration by Jess Cruickshank.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 by Lyssa Kay Adams

© Сухляева В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Глава первая

Ноа Логан всегда боялся, что однажды взглянет на себя со стороны – и не узнает, превратившись в совершенно другого человека. И вот, видимо, это произойдет на его тридцать первый день рождения.

Тем не менее он не намеревался сдаваться без боя – нет, живым не возьмете!

Он стиснул челюсти, покрытые короткой бородой, поставил ноги на ширину плеч и скрестил руки на груди, тем самым принимая позу «А ну-ка повтори!», которую перенял у отца-военного.

– Нет. Черта с два! Ни за что.

Его друг Брейден Мак недовольно надулся, выпячивая нижнюю губу.

– Брось, приятель! Это станет лучшим подарком на день рождения...

– День рождения-то у меня, козлина! И не надо мне тут свои губки надувать. Может, на них это и действует... – Ноа взмахом руки указал на группу за столом у пустой танцплощадки клуба, – только не на меня.

Брехня! Именно из-за этой жалостливой мины друга Ноа и угодил в такую ситуацию. Сперва ему польстило предложение присоединиться к свите жениха, затем в дело вступили дурацкие надутые губки да бровки домиком, и вот, не успел Ноа опомниться, как оказался по уши в предсвадебной подготовке, которой, по его представлению, обычно занимаются невесты. Нареченная Мака, Лив, переложила на будущего супруга все обязанности по организации свадьбы, а тот, в свою очередь, решил, что и его друзьям необходимо прочувствовать толику бремени, которое общество, как правило, взваливает на женщин.

К слову, ничего против самой затеи Ноа не имел. За прошедшие месяцы он помог Маку выбрать цветочные композиции, продумать освещение, подискутировал насчет неопределенности некоторых библейских заповедей и поучаствовал в особенно жарком споре с одним из друзей жениха по поводу отказа от старинной традиции бросать подвязку. Однако чем ближе подходила дата свадьбы (уже в следующем месяце, в ноябре), тем более невменяемым становился Мак.

Сегодня они рукодельничали, ибо Мак вдруг решил, что перед входом в приемный зал позарез необходима арка из бумажных цветов. Именно поэтому друзья собрались в клубе Мака «Темпл» – посреди недели, в самый разгар рабочего дня, – чтобы сложить из бумаги сотни оригами. Однако цветочки оказались только цветочками (простите за каламбур); самую эпичную, чтоб ее, просьбу он приберег напоследок – подготовить танец жениха и его свиты!

– Позволь перефразировать свой ответ так, чтобы до тебя дошло, – с нарочитым спокойствием изрек Ноа. – Катись. К чертовой. Бабушке. Я. Не. Танцую.

Друг скулчился, подобно детсадовцу, который остался без добавки на полдник. Вдруг сзади послышались увесистые шаги по старому деревянному полу – очевидно, к Маку спешило подкрепление. В следующее мгновение Ноа по спине хлопнула мозолистая ручища – да так, что с носа едва не слетели очки в черной роговой оправе.

– Мы танцуем для Мака, – пробасил Владислав Конников, хоккеист, которого прозвали Русским по весьма банальной причине – такова была его национальность. В произнесенной с сильным акцентом фразе слышались предостерегающие нотки, и Ноа едва не перешел на фальцет, когда предпринял новую попытку спастись, немного поменяв тактику:

– А как же Лиам? Твой брат не сможет приходить на репетиции!

– Отправляю ему видео, сам разучит движения.

Ноа поправил очки и повернулся к остальным.

– Если позориться, то вместе, – пожал плечами Дэл Хикс, бейсболист из команды *Nashville Legends*. Его пухлые пальцы на удивление ловко сложили бумажку в нечто необычайно похожее на гвоздику.

– Тея угрожала мне физической расправой, если я откажусь, – добавил Гевин Скотт, еще один бейсболист, жена которого, Тея, приходилась невесте сестрой. Тут ему прилетел подзатыльник от Дэла, и, поморщившись, он поспешил исправиться: – В смысле, я и сам рад угодить другу.

Единственная дама среди присутствующих с фырканьем кинула розовый бумажный цветок в коробку рядом со стулом. Соня была менеджером клуба и самой желчной особой из всех знакомых Ноа.

– Хватит ломаться, неженка! Если уж я вступила в этот кружок «Умелые ручки», то и ты сможешь отбросить гордость ради одного дурацкого танца.

Дело вовсе не в гордости. Дело в чувстве собственного достоинства. Пусть Ноа и выглядел довольно нестандартно, но даже с длинными волосами, собранными в пучок на макушке, и задротской футболке с супергероями бывшие приятели хакеры-активисты¹ (также называемые хактивистами) вряд ли его теперь узнают. Парень, некогда арестованный ФБР за попытку взломать университетский научный центр, вот-вот станет танцующей мартышкой в смокинге на фешиенебельной свадьбе богатых и знаменитых.

Ну да, Мак и остальные ребята совсем не походили на тех наживающихся за счет войн и бедствий подонков, которых Ноа раньше пытался уничтожить с помощью своих компьютерных навыков. На самом деле их компания состояла из вполне порядочных людей. И все же Ноа сильно изменился за последние годы. Теперь он – преуспевающий бизнесмен, владелец фирмы по кибербезопасности, работающей со знаменитостями и прочими шишками. Ноа – уважаемый человек, ставший миллионером еще до тридцати. Наконец он исполнил предсмертное желание отца: «Используй этот свой гениальный ум». И вряд ли нелепый, отстойный танец друзей жениха стал бы в глазах отца поводом для гордости.

Однако еще оставалась надежда на спасение чести и достоинства, и Ноа, почти отчаявшись, вытряхнул последний козырь из рукава:

– Приятель, а как, по-твоему, на это отреагирует Лив? Она же ненавидит подобные романтические сопли.

Мак пожал плечами.

– Смеяться-то она любит.

– Получается, танец нужен для того, чтобы выставить себя на посмешище?

– Во все нет. Он нужен для того, чтобы показать свою мягкую сторону нашим любимым женщинам.

Мак выразительно подчеркнул последнюю часть, отчего Ноа поежился. Явный удар ниже пояса. Друг никогда не упускал возможности поддеть Ноа насчет его сугубо платонических отношений с Алексис Карлайл, да и остальные удивлялись, почему они не переходят в разряд романтических. Ноа уже заколебался растолковывать.

Он раздраженно помял напряженную шею. Пучок на голове растрепался, поэтому Ноа стянул резинку и быстро закрутил его по новой.

– Алексис придет в восторг, – улыбнулся Мак, вскинув бровь. – Сам знаешь.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы окончательно пробить его защиту. Поверженный, Ноа опустил руки и выдохнул:

– Что надо делать?

– Просто приходи в субботу на репетицию. Я нанял хореографа.

¹ *Хакеры-активисты* – компьютерные взломщики, чья деятельность направлена на продвижение политических идей, на защиту прав человека и борьбу с социальной несправедливостью. (Здесь и далее прим. перев.)

– О, круто, – сухо отозвался Ноа.

Мак похлопал его по спине.

– Спасибо большущее, приятель. Вот увидишь, будет весело.

Ноа поплелся вслед за Максом обратно к компании и плюхнулся на стул. Соня пододвинула к нему стопку розовых бумажек. Пробормотав благодарность, он вновь сурово уставился на Мака.

– Но, клянусь богом, если придется тверкать, я делаю ноги.

– Пф-ф! Приятель, никому не хочется смотреть, как тверкает Русский! – фыркнул Колтон Уилер, известный исполнитель кантри, который начал карьеру в одном из четырех клубов Мака в Нэшвилле и теперь присоединился к их компании. С недавних пор он также являлся клиентом Ноа. И он был прав насчет Русского – никого не прельстит зрелище дергающего задом огромного волосатого хоккеиста, который, ко всему прочему, временами прилюдно пускал газы.

– Что такое тверкать? – наивно спросил Русский.

Колтон достал телефон и быстро нашел видео с аппетитными красотками, интенсивно трясащими округлыми ягодицами. Бедняга Русский ярко вспыхнул и спешно сосредоточился на бумажных цветах, сдавленно пробурчав:

– Тверкать не будем.

– Кстати, – сказал Мак, хватая с пола пакет и передавая его Ноа через Колтона, – с днем рождения!

Тот заглянул внутрь и застонал при виде книги с заголовком «Возвращение домой». На мягкой обложке подтянутый мужчина одной рукой обнимал красивую женщину, а в другой держал мяч для американского футбола. Ноа вернул пакет Колтону.

– Нет уж, хватит с меня и танцев.

Однако тот подтолкнул подарок обратно.

– Поверь, ты в ней нуждаешься.

– А вот и нет!

– Тебе понравится! Это история о профессиональном футболисте, который возвращается в родной город и встречает свою бывшую девушку, после чего узнает...

– Да начихать! Сколько раз повторять, я никогда не присоединюсь к вашему клубу!

Из присутствующих парней один лишь Ноа не состоял в книжном клубе Броманс – клубе для мужчин, читающих любовные романы. Ребята верили, будто подобные книги помогают наладить общение с женщинами. И хотя положительные результаты клуба нельзя отрицать – Мак был счастливо помолвлен, а остальные благодаря прочитанным книгам спасли отношения со своими вторыми половинками, – Ноа уворачивался от всяких попыток друзей его заарканить.

Мак подался вперед, облокотившись на стол.

– Если присоединишься к нам, нужно будет лишь читать романы и слушать нас и все твои проблемы разрешатся.

Ноа так стиснул челюсти, что зубы жалостливо заскрежетали.

– Мои отношения с Алексисов вообще не проблема, и нечего тут решать. Мы друзья.

– Ну да! – вновь фыркнул Колтон. – Просто друзья. Вы лишь проводите вместе каждую свободную минуту, играете в дурацкую игру в слова на телефоне...

– В «Ворд нерд».

– ...а ты бежишь к ней, стоит ей поманить пальчиком, называешь ласковым прозвищем и постоянно у нее зависаешь, хотя у тебя аллергия на кошек. Я ничего не упустил?

– На Мака у меня тоже аллергия, но я же с ним общаюсь.

Названный друг драматично ахнул и вскинул ладонь к груди.

– Вот сейчас было обидно.

Колтон поднял руки, сдаваясь.

– Я просто не понимаю, зачем ты добровольно запираешь себя во френдзоне.

– Отстаньте от него, – раздался спокойный властный голос. Он принадлежал Малколму Джеймсу, профессиональному футболисту и неукротимому феминисту, познавшему дзэн. – Мужчины и женщины могут дружить, не испытывая при этом сексуального влечения.

– Только Ноа-то хочет затащить ее в постель, – возразил Колтон.

Ноа сжал кулаки.

– Следи за языком!

– Верно, приятель, – нахмурился Мак, неодобрительно качая головой. – Мы не выражаемся о женщинах в подобном ключе.

Колтон смущенно передернул плечами и пробормотал извинения.

– Так называемая «френдзона», – продолжил лекцию Малколм, – на самом деле лишь социальный конструкт, который придумали мужчины, чтобы оправдать отсутствие у женщины полового влечения. Но нам всем ясно – это чистой воды хрень. Поэтому не лезьте к Ноа с Алексис. Их отношения – живое доказательство того, что мужчины и женщины могут быть друзьями.

В зале установилась смущенная тишина, как в классе, который только что отчитал любимый учитель; слышно было лишь шуршание бумажек.

Вскоре Мак со вздохом отнял голову от работы.

– Я просто говорю, что, возможно, она готова к чему-то большему. Прошло полтора года с...

– Не продолжай! – резко оборвал его Ноа.

Он и сам знал, как давно они познакомились. Только не время имело значение, а обстоятельства. И друзья ошибались. Она не готова. Возможно, никогда не будет. Эта мысль удручала не меньше, чем перспектива танцев.

Ноа уставился на пакет с подарком. Не надо ему ни дурацких книг, ни помощи. И уж точно ему не нужны любовные романы, напоминающие о его жалкой личной жизни. Безответная любовь не тянет на хеппи-энд.

Тем не менее, уходя час спустя домой, Ноа забрал треклятую книгу с собой. Но только чтобы отвязаться от Мака.

Глава вторая

Алексис Карлайл предчувствовала – сегодня та застенчивая девушка наконец с ней заговорит.

Целую неделю, каждый божий день в кафе Алексис «Кошачьи лапки» приходила девушка с длинными каштановыми волосами и в толстовке – все время разной. Она садилась с книгой в дальнем углу и, поглаживая одного из кошачьих работников кафе, украдкой поглядывала на Алексис.

Однако сегодня она пришла без книги и все вертела головой, задерживая взгляд на хозяйке заведения, когда думала, что та не замечает.

Полтора года назад Алексис (вместе с другими пострадавшими) публично заявила о сексуальных домогательствах знаменитого шеф-повара Ройса Престона, и с тех пор в ее кафе начали почти каждую неделю приходить женщины, также пережившие сексуальные домогательства и насилие, в поисках поддержки, понимающего уха или совета о том, как выйти из трудного положения. Алексис их не приглашала, однако теперь считала своей обязанностью им помогать. Со временем она научилась замечать признаки того, что женщина готова заговорить.

Алексис повернулась к бариста – своей подруге и такой же жертве Ройса, Джессике Саммерс.

– Можешь немного постоять за кассой? Хочу кое-что попробовать.

Получив в ответ кивок, Алексис направилась через маятниковые двери на кухню, затем к подсобке, где хранилась коробка с садовыми инструментами, необходимыми для ухода за клумбами перед кафе. Уже давно пора было обрезать цветы, да все руки не доходили. Теперь же появилась прекрасная возможность убить двух зайцев одним выстрелом. Алексис потащила коробку через все кафе, делая вид, будто ей ужасно тяжело. У выхода она прижала свою ношу к стене и потянулась к ручке, вновь разыгрывая затруднения.

Спектакль сработал. Девушка подскочила и подошла к ней с робкой улыбкой.

– В-вам помочь?

Внутри все пустилось в пляс и запело фальцетом, однако Алексис изобразила на лице спокойствие и дружелюбие.

– Пожалуйста, – отозвалась она, прижимая коробку к груди. – Мне бы не помешали дополнительные руки.

Девушка отворила дверь и посторонилась, пропуская Алексис.

– Прохладно сегодня, да? – заметила та, выходя и ставя коробку на тротуар. Она старалась говорить легко и непринужденно, чтобы не показаться напористой и не давить на девушку, которая явно с трудом решилась прийти к ней за помощью.

Дверь за девушкой захлопнулась, она нервно натянула рукава толстовки на ладони и кивнула.

– Ага. Я... я не ожидала, что здесь будет так холодно.

– Вы не из Нэшвилла? – Алексис присела на корточки и принялась копошиться в коробке.

– Из Хантсвилла. Вроде недалеко, но все же там теплее.

Она нашла садовые перчатки и встала.

– Я не бывала в вашем штате. Долго вы добирались?

– Всего пару часов. Поэтому я и думала, что погода будет одинаковая.

– Просто похолодало рановато.

– Должно быть. – Девушка прикусила губу.

– Алексис, – представилась она и протянула руку. – Я видела вас в кафе пару раз.

Девушка нервно сглотнула, прежде чем пожать ей руку.

– Кэнди. Ну, вообще-то, Кэндис, но все зовут меня Кэнди.

– Приятно познакомиться, Кэнди. – Алексис кивком указала на дверь. – Хочешь чего-нибудь?

– О нет. – Она замотала головой. Разочарование заглушило внутреннее пение, однако Кэнди вновь тяжело сглотнула и добавила: – То есть я зашла чего-нибудь выпить, но вы, кажется, заняты, так что я подойду к кассе.

– Брось, мне не сложно, – улыбнулась Алексис. – И давай на «ты», я не намного тебя старше. Сейчас все принесу. Потом можешь составить мне компанию, пока я буду приводить этих ребят в порядок.

Она затаила дыхание, ожидая ответа Кэнди. Наконец та неуверенно улыбнулась.

– Почему бы и нет.

– Так что, чай с молоком и корицей?

Ее улыбка стала шире.

– Ты запомнила мой заказ?

– Присаживайся, – Алексис кивнула на один из столов во внутреннем дворике. – Я быстро.

Она вернулась к кассе и сделала заказ.

– Наконец-то заговорила? – Глаза Джессики радостно загорелись, когда она принялась готовить.

Алексис вытащила из витрины с десертами кекс и скон². Угощения помогали людям расслабиться, к тому же на них можно сосредоточить внимание, когда зрительный контакт становится слишком мучительным. Сколько же тихих признаний Алексис услышала за тарелкой выпечки, нервно раскрошенной пальцами.

Она вернулась к Кэнди и поставила перед ней напиток с десертом. Та вытащила из кармана бумажник.

– Сколько?..

– За счет заведения, – остановила ее Алексис, возвращаясь к коробке с инструментами.

– Ой, ну что ты, не стоит, – поспешила отказаться Кэнди.

– Считай это гостинцем в честь приезда в Нэшвилл. – Она задумчиво склонила голову. –

А мы раньше не встречались?

Глаза Кэнди распахнулись.

– Э-э, нет.

– Выглядишь знакомо.

– В каком смысле?

– Даже не знаю. Что-то есть в тебе такое...

Кэнди испуганно замерла, как кролик, которого застукали за поеданием капусты в огороде.

Передернув плечами, Алексис взяла секатор и подошла к одной из хризантем, чахнувших от недосмотра и холодов. Затем обрезала сухой отросток. Подождала. Отрезала еще один. Какое-то время помимо щелканья секатора раздавался лишь тихий звон кружки. Молчание затягивалось, и наконец Алексис сказала, не отвлекаясь от своего занятия:

– Знаешь, тебе не обязательно разговаривать, если не хочется. Можешь молча посидеть рядом, я нисколько не возражаю.

– Ох, э-э, хорошо.

Еще одна сухая ветка упала на землю.

– Сюда приходит много, очень много женщин вроде тебя. Такие, которым просто нужна компания.

² Скон – классическая британская булочка, обычно готовится без дрожжей, из овсяной или пшеничной муки с использованием разрыхлителя.

Кэнди шумно сглотнула, настороженно наблюдая за Алексис: та убрала секатор в коробку, поднялась, затем села напротив и достала из кармана фартука визитку, предназначенную только для женщин, подобных этой девушке.

– Тут номер моего мобильного. Звони в любое время.

Кэнди изучала карточку с таким трепетом, словно ей вручили стодолларовую купюру.

– Знаю, как тяжело заговорить, – начала Алексис. – Порой кажется, эта тайна буквально раздирает тебя изнутри.

– М-мне действительно надо с тобой поговорить.

– Если ты готова, я...

– Извините! – внезапно раздался визгливый голос с противоположной стороны дороги. – Нужно обсудить одну проблему!

Кэнди распахнула глаза и обернулась – к ним воинственно шагал заклятый враг Алексис.

– Прости, Карен, – начала Алексис, стараясь говорить спокойным голосом. – Я сейчас занята. Твоя проблема может немного подождать?

– Не может!

Кэнди побледнела, вскочила на ноги и, спотыкаясь, попятилась.

– Я... я зайду позже.

– погоди! – Она попыталась схватить девушку за руку, но не успела, и та стремительно ретировалась, быстро скрывшись за поворотом.

Игнорируя Карен, Алексис забрала тарелку с кружкой и вернулась в кафе. Убрав грязную посуду в специальный контейнер под прилавком и вытерев руки полотенцем, заправленным в фартук, она наконец повернулась к Карен, следовавшей за ней.

– Чем могу помочь?

– Пока я от тебя никакой помощи не дождалась, так что, вероятно, ничем, – отчеканила та.

Алексис изобразила на лице подобие вежливой улыбки.

– Прискорбно слышать, что наши предыдущие беседы тебя не удовлетворили. Не хочешь присесть и поговорить? Я принесу тебе чашечку чая за счет заведения.

– Я не стала бы здесь есть, даже если бы мне заплатили!

– Так чем обязана визиту?

Алексис старалась сохранять спокойствие – не ради Карен, а ради самой себя. За прошедшие полтора года она усвоила как минимум один урок: люди зачастую верят в то, во что сами хотят, и попытки их переубедить – совершенно бессмысленная трата времени и сил. Кроме того, Алексис привыкла к постоянным претензиям Карен Мюррей. Прежде хозяйка антикварного магазина через дорогу с ней даже не заговаривала, а после обвинений, выдвинутых Алексис против Ройса, стала настоящей занозой в одном месте, досаждающая жалобами чуть ли не каждую неделю.

Карен вытащила из сумочки пухлый пакет и швырнула на прилавок.

– Вот этим!

Разглядев содержимое, Джессика с визгом отскочила. Сквозь прозрачный материал на них в безмолвной мольбе уставились два крошечных глаза дохлой крысы. Алексис подошла ближе и приподняла пакет за уголок.

– Спасибо за угощение, Карен, но я вегетарианка.

– А тебе лишь бы шуточки шутить! – Карен сердито подтянула лямку сумочки. – Этот ужас утром валялся на пороге моего магазина.

Алексис бросила пакет с трупом в мусорное ведро, которое непременно опорожнит при ближайшей возможности, а также зальет прилавок хлоркой.

– Прости, не вполне понимаю, при чем тут я?

– Твой кот это туда притащил! – На этих словах Карен полным презрения взглядом посмотрела на Пирожка – выбранного с улицы мейн-куна, который крепко спал в кошачьем домике у окна.

Алексис налепила на лицо улыбку.

– Карен, Пирожок никак не мог этого сделать. Я каждый вечер забираю его домой, а утром он постоянно был при мне.

Джессика щедро набрызгала очистителя на лакированное покрытие прилавка. Карен торопливо отступила, крепко прижимая сумочку к животу.

– Нам и так приходится мириться с бродячими кошками, которых ты коллекционируешь, а теперь еще и это?

Она обвела рукой помещение, заполненное женщинами, которые были увлечены разговорами – отчасти радостными, а отчасти совсем наоборот.

– Боюсь, я не вполне тебя понимаю, – медленно проговорила Алексис. – Ты жалуешься на то, что у меня много посетителей?

– Эти женщины не просто посетители!

– Они платят за еду. Для меня они посетители.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я! Несправедливо, что эти женщины занимают лучшие парковочные места в квартале и никогда не заглядывают в другие магазины. И все из-за твоего маленького крестового похода!

Алексис подобралась.

– Полагаю, под крестовым походом ты подразумеваешь мою попытку предложить безопасное, свободное от суждений место женщинам, пережившим сексуальное насилие и домогательства?

Карен закатила глаза, что предельно четко объясняло ее позицию.

– Выдавать себя за жертву вовсе не значит таковой являться! Вполне возможно, эти женщины лишь хотят внимания.

– Ну да, ведь для женщины лучший способ привлечь к себе положительное внимание – обвинить работодателя в сексуальных домогательствах.

Лицо Карен окрасилось в тревожный оттенок бордового.

– Если потребуется, я буду жаловаться на тебя администрации!

Вероятно, эта угроза напугала бы прежнюю Алексис, однако та исчезла полтора года назад. Новую обычной скандалисткой не запугать.

– Ага, тогда не забудь передать от меня привет главе и напомнить, что ее любимые тыквенные сконы скоро вернутся в меню.

Развернувшись на одном высоком каблуке, Карен кинулась к двери, которая как раз открылась, и Алексис широко улыбнулась при виде новой посетительницы – своей лучшей подруги Лив Папандреас. Та отступила, пропуская Карен, однако показала ей вслед непристойный жест. Алексис бросила на нее укоризненный взгляд, тем не менее именно за подобные поступки она и обожала подругу – ее поддержка, а также поддержка остальных друзей помогли Алексис пережить тяжелые времена.

– Ты только скажи, и я ей наподдам, – заявила Лив, подходя к прилавку. На плече у нее висел чехол с нарядами.

– Я скоро сама ей наподдам, – усмехнулась Алексис, вытаскивая мешок с мусором.

– Ох, я бы взглянула! Самое время дать этой мымре отпор.

– Ну, сомневаюсь, что мой психолог сочтет подобные действия здоровой реакцией на проблему. Да и вообще, вряд ли это поможет. – Она оглянулась и кивком пригласила подругу следовать за ней на кухню. – Чего там у тебя?

Та едва не пустилась в пляс от воодушевления.

– О, у меня для вас подарочки! – пропела она и остановилась у прилавка, чтобы стукнуться кулаками с Джессикой. Они трое крепко сплотились во время совместной работы по разоблачению Ройса.

– Платья подружек невесты? – с улыбкой предположила Джессика.

– Ага, наконец-то готовы!

Лив последовала за Алексис на кухню. Та вышла через задний вход, чтобы выбросить мусорный мешок с отвратительным содержимым в контейнер, а когда вернулась, Лив уже распахнула чехол и повесила наряды на дверь ее кабинета.

– Ух ты! – выдохнула Алексис при виде вечерних платьев в пол из рубинового шелка. – Они даже красивее, чем я запомнила. У Мака прекрасный вкус.

Тот факт, что Лив полностью передала планирование свадьбы жениху, прекрасно описывал их отношения. Мак был романтиком до мозга костей, а его избранница запросто могла по-быстрому расписаться в Вегасе. И Алексис обожала их обоих.

Лив отступила с дерзкой улыбкой.

– Не терпится посмотреть на реакцию Ноа, когда он увидит тебя в этом платье.

Алексис зарделась. Друзья постоянно дразнили ее по поводу дружбы с Ноа Логаном.

– Гляди, как засмушалась! – рассмеялась Лив. – Ну и верь после этого, будто вы лишь друзья.

Тем не менее так оно и было. Лив и Ноа были самыми близкими друзьями Алексис. Они встретились в самый разгар шумихи вокруг обвинений, которые она выдвинула против Ройса, и моментально сдружились. Ноа был забавным, умным, добрым, и, что важнее всего, с ним она чувствовала себя в безопасности и настоящей личностью, а не созданной прессой двухмерной карикатурой женщины, обиженной бывшим любовником. Возможно, когда-то она ждала от него чего-то большего, однако он никогда не выказывал схожего желания. К тому же Алексис все еще опасалась мужчин в целом, чтобы рисковать самыми здоровыми отношениями с парнем, которые у нее когда-либо были.

Внезапно кухонная дверь распахнулась, и Лив рассмеялась.

– Помяни черта, как говорится!

Глава третья

Не нужно быть гением, чтобы понять, когда ты прервал беседу о себе. И хотя Ноа действительно был гением, согласно тесту ай-кью, румянец на щеках Алексис и ухмылка Лив говорили сами за себя.

– Это я-то черт?

Ноа широкими шагами пересек кухню и протянул Алексис бумажный пакет – собственноручно, виновника его визита. Она округлила глаза.

– Там то, о чем я думаю?

– Именно.

Издав вожделенный стон, она нетерпеливо схватила пакет и достала завернутый в фольгу вегетарианский тако, купленный Ноа в мексиканском фургончике возле его офиса, после чего откусила сразу половину, а оставшуюся положила на стол рядом с Лив, предупредив:

– Не трогать!

– Ты куда? – удивился Ноа, когда Алексис юркнула в свой крошечный кабинет. Однако мгновение спустя она появилась с коробкой в оберточной бумаге, которую протянула Ноа.

– С днем рождения!

Он смущенно улыбнулся, принимая подарок.

– Мы ведь завтра празднуем.

– Ну да, просто не терпелось тебе вручить. Оно прибыло утром.

Ноа разорвал бумагу и пораженно распахнул глаза.

– Матерь божья! Серьезно, что ли?

Алексис взвизгнула и захлопала в ладоши, не в силах сдержать радости.

– Представь себе!

В его руках был набор «Лего. Доктор Кто», выпущенный ограниченным тиражом. Достать такой почти невозможно.

– Где ты его нарыла?

– Недельку торговалась с одним мужиком в интернете.

Ноа повертел коробку в руках.

– Ого! Все еще в оригинальной упаковке?

– Ага!

– Ни хрена себе, боюсь даже представить, сколько ты за него отвалила. – Он поднял на нее сияющий взгляд.

– Не бери в голову, – махнула рукой Алексис. – Главное, скажи, мы сохраним оригинальную упаковку или будем собирать?

– Конечно, будем собирать! – с трепетом проговорил Ноа. – И параллельно можно посмотреть ту документалку о создании пурпурного пигмента.

Лив фыркнула и соскользнула со стула.

– Боже милостивый, это самое задротское занятие, о котором я когда-либо слышала!

– Пф-ф, оно даже не входит в первую десятку наших задротских занятий, – усмехнулся Ноа.

Алексис кивнула в подтверждение и, торопливо пережевывая еще один гигантский кусок тако, сказала:

– На прошлые выходные мы ходили на лекцию по истории женщин-викингов.

– Как занятно, – с каменным лицом отозвалась Лив и приобняла Алексис. – Ладно, мне пора бежать, надо развезти остальные наряды. – Проходя мимо Ноа, она ухмыльнулась. – Как ты пережил сегодняшнюю встречу?

Тот застонал и отложил подарок.

– Твой жених совсем слетел с катушек.

– Не будь с ним так строг: он начал планировать свадьбу своей мечты, еще будучи мальчишкой.

Лив встала на цыпочки и чмокнула Ноа в щеку, после чего выскользнула из кухни. Алексис усмехнулась.

– И что взбрело Маку в голову на этот раз?

Ноа повернулся к ней с трагичным выражением на лице.

– Друзья жениха должны подготовить танец.

Алексис расхохоталась, запрокинув голову, – и недовольство Ноа как рукой сняло. Ее смех стоил любого унижения. Слишком хорошо сохранились в памяти времена, когда ее почти невозможно было рассмешить. При их первой встрече она вообще рыдала. Это произошло всего через несколько часов после того, как они разоблачили домогательства Ройса Престона. Все праздновали успех в доме Мака, когда Алексис внезапно выскользнула в заднюю дверь.

– Алексис?

Она подскочила и повернулась, спешно вытирая заплаканное лицо. Ноа выставил перед собой ладони.

– Прости, не хотел тебя пугать. Я увидел, как ты убежала. Все нормально?

Алексис пожала плечами.

– Нормально, просто... просто... – Она покрутила кистью, будто жест мог навеять нужное слово. – Просто снимаю напряжение.

– Наверное, адреналин схлынул.

– Это когда мозг кричит: «Еперный театр, какого хрена ты наделала?»

Ноа тихо усмехнулся.

– Оно самое.

Она сделала глубокий вдох, успокаиваясь, и протянула ему руку.

– Ты ведь Ноа?

Он подошел и пожал руку – ее пальцы были теплыми и маленькими, в сравнении с его.

– Ноа Логан.

– Спасибо тебе. За помощь, я имею в виду.

– Это тебе спасибо за храбрость.

Алексис обхватила себя за плечи.

– Давно надо было признаться.

– У правды нет срока годности.

– А у унижения?

Внутри что-то шевельнулось – некое чувство, с которым ему еще не доводилось сталкиваться. Нечто похожее на уважение, смешанное с притяжением.

– Надеюсь, ты имеешь в виду его унижение. Тебе-то стыдиться нечего.

Алексис отвела взгляд – казалось, она не разделяла его точки зрения.

– Ну, какие у тебя дальние планы? – спросил Ноа.

– Никаких. Я так долго жила с этой тайной в душе, что уже не помню, каково жить без нее. Скорее всего, просто немного отдохну в тишине и покое. – Она внезапно нахмурилась и внимательно посмотрела на него. – Даже не знаю, почему вдруг свалила все это на тебя.

– Потому что я рядом?

Она фыркнула.

– Повезло тебе.

Ноа тогда и не подозревал, насколько ему на самом деле повезло. Во многих отношениях знакомство с Алексис стало лучшим событием в жизни. И он понятия не имел, как ей это сообщить, ничего не испортив.

Шуршание бумаги вернуло его в настоящее. Алексис прислонилась к столу рядом с ним и открыла второй тако.

– Кстати, спасибо. Даже не представляешь, насколько мне это было нужно.

– Я предчувствовал, что ты снова забудешь позавтракать.

– Насыщенное выдалось утро.

– Вернулась та девушка?

– Ага. – Она с досадой застонала. Ноа поднял брови.

– И что это значит?

Алексис проглотила тако и объяснила:

– Она впервые со мной заговорила и, казалось, наконец была готова поделиться проблемами, но тут приперлась Карен с очередными претензиями и спугнула бедняжку.

Ноа протянул руку и убрал кусочек кинзы с уголка ее рта.

– Чем она в этот раз недовольна?

Алексис рассказала о дефиците парковочных мест идохлой крысе.

– Он не мог этого сделать, – уверенно заявила она, имея в виду существо, которое являлось наполовину котом, наполовину демоном, и обе половины приводили в ужас. – Он все утро был перед глазами.

Она указала на кошачий домик у окна. Как раз в этот момент Пирожок потянулся, разевая пасть и выпуская когти. У Ноа волосы на затылке встали дыбом. Он никогда не входил в короткий список людей, которых выносит кот, а месяц назад положение только ухудшилось. Ветеринар посадил Пирожка на диету, и теперь он частенько смотрел на Ноа как на сосиску в тесте.

Выглядел кот весьма впечатляюще – пушистый, лохматый, с кисточками на ушах и таким невменяемым видом, будто его случайно закинули в сушилку для белья и ему это даже понравилось. Над глазами – темная полоса, похожая на сросшуюся бровь, которая придавала коту схожесть с всегда готовым к смертельному бою пещерным человеком.

– В общем, – Алексис тяжело вздохнула, – она пригрозила пожаловаться администрации.

– Ну и что они сделают? Ты ничего не нарушаешь.

– Я грязная прошмандовка, помнишь? Только этот закон ее волнует.

Ноа напрягся.

– Она так сказала?

– Ну, не прям так, – передернула плечами Алексис, убирая с лица кудряшку, – но именно это она подразумевала. Мы – лишь кучка лживых потаскух.

Ноа сурово нахмурился.

– Не люблю, когда ты так говоришь.

– Просто озвучиваю то, что думают люди.

– Адекватные люди так не думают.

– Ты переоцениваешь человеческую натуру.

Он громко фыркнул.

– Меня впервые в таком обвиняют.

После пяти лет хактивистской деятельности у Ноа едва ли осталась капля веры в людей. Однако Алексис не так уж ошибалась. С начала процесса против Ройса он все больше погружался в глубины человеческой злобности, о существовании которых даже не подозревал. Кровь вскипала в жилах всякий раз, когда он вспоминал о голосовых сообщениях и электронных письмах от поклонников Ройса, которые показывала ему Алексис. Даже несмотря на дюжину убедительных обвинений в его адрес, самые ярые фанаты все еще отказывались верить, что их драгоценный кумир способен на преступление – наверняка все эти женщины лгут, они лишь недовольные бывшие работники или отвергнутые любовницы.

Ноа помог Алексис настроить фильтры электронной почты, блокирующие самые ужасные письма, тем не менее некоторые все же просачивались. Большинство она сразу удаляла, но порой делилась с ним самыми вопиющими. При этом она пожимала плечами и говорила, что привыкла к ним, однако Ноа научился читать ее, как открытую книгу, – губы сжимались в тонкую полоску, горло нервно дергалось, на переносице залегала маленькая складка. Гневные послания ей досаждали. Еще как. Тем не менее она отказывалась давать отпор, поскольку считала, что это не стоит ни времени, ни усилий. Теперь ей хотелось лишь спокойной жизни.

Ноа почувствовал на себе пристальный взгляд и поднял голову.

– В чем дело?

– А?

– Ты странно на меня смотришь, что-то на лице?

– Ага, это. – Она протянула руку и слегка дернула его за бороду. – Как ты вообще выглядишь под этой меховой маской?

Ноа поиграл бровями.

– Лучше не спрашивай.

– Ого, все настолько плохо?

– Наоборот. Мне приходится прикрываться бородой, ибо простые смертные не способны вынести невероятной силы мужского обаяния под ней.

– О, так значит, ты спасаешь людей?

– Совершенно верно.

Алексис рассмеялась и откусила еще тако. Прожевав, она спросила:

– Зоуи завтра придет?

Ноа праздновал день рождения с семьей и Алексис у мамы. Его сестра тоже собиралась прийти, но... Он пожал плечами.

– Кто знает? С Зоуи никогда не угадаешь.

– А Марш?

– Придет.

Алексис сочувственно улыбнулась, поскольку прекрасно знала о его весьма непростых отношениях со старым армейским товарищем отца, Питом Маршаллом, которого все называли Маршем. Ноа бы не добился того, что у него есть, без помощи и советов Марша, однако у его поддержки была и обратная сторона – постоянные придирки, из-за которых Ноа казалось, что ему никогда не сравниться с отцом.

Зевнув, он встал и потянулся.

– Помочь тебе убраться после йоги?

Среди всего прочего, Алексис также каждый месяц устраивала в кафе занятия йогой специально для женщин, переживших сексуальное насилие. Одно из них как раз планировалось на сегодня.

– Спасибо, но, пожалуй, мы с Джессикой и сами справимся.

– Черт, а я так надеялся отвертеться от поездки к Колтону.

– Зачем тебе к нему?

– Он опять открыл спам и занес вирус.

Алексис сочувственно усмехнулась.

– Если хочешь, можем завтра после ужина пособирать легио?

– Спрашиваешь тоже!

Ноа протянул руку, и они пожали друг другу мизинцы – это была их тайная замена рукопожатия.

– Тогда увидимся завтра! – сказал он, разворачиваясь.

– Эй! – позвала Алексис, и Ноа повернулся, не останавливаясь. – Спроси маму, что принести на ужин.

– Ты знаешь ее ответ...

– «Принеси только себя». – Она улыбнулась. – До завтра!

Перед мысленным взором Ноа тут же возникли часы, которые начали отсчитывать минуты до следующей встречи.

Глава четвертая

– Скоро здесь яблоку негде будет упасть, – заметила Джессика, собирая волосы в хвост.

Они с Алексис стояли у прилавка, оглядывая зал кафе. Столы и стулья были сдвинуты и частично сложены друг на друга, чтобы освободить место для – если придут все записавшиеся – почти двадцати женщин, желающих вернуть контроль над своей жизнью посредством медитации.

– Может, стоит поискать другое помещение для занятий? – предложила Джессика.

Алексис не хотелось переносить занятия йогой как минимум из-за Карен – чтобы та не считала, будто выжила с квартала столь неугодных ей жертв насилия.

– Что-нибудь придумаем, – наконец сказала Алексис и, подойдя к входной двери, повесила табличку: «Закрето для частного мероприятия». Она заранее отвезла Пирожка домой из-за двух посетительниц с аллергией на кошек.

Первой прибыла инструктор по йоге Мариана Мендоса. Она с порога отправила им с Джессикой воздушные поцелуи, затем подошла, и они стукнулись кулаками в знак приветствия. Мариана также была дипломированным психологом. Именно она несколько месяцев назад предложила Алексис организовать в ее кафе занятия, и та немедленно согласилась. Сама концепция совершенно не нова – жертвы сексуального насилия уже давно прибегают к йоге, чтобы вернуть контроль над собственной жизнью и телом. Однако ничего подобного прежде не существовало в Нэшвилле, и Алексис сразу решила, что именно она должна это исправить.

На первом занятии присутствовали всего трое, включая Алексис и Джессику. Но вскоре весть разлетелась по городу, и с каждой неделей приходило все больше женщин. Теперь, вероятно, и в самом деле придется искать новое помещение, чтобы вместить всех желающих.

Пока Алексис с Джессикой переодевались для занятия, прибыли еще несколько человек, которые начали растягиваться на специальных ковриках.

Мариана тихо подошла к Алексис и спросила в своей типичной манере:

– И как мы поживаем?

– Хорошо, – пожала плечами Алексис. – Куча дел, но я справляюсь.

– Мы выглядим усталыми. Мы высыпаемся?

– Да! – Мариана недоверчиво прищурилась. Должно быть, ответ прозвучал излишне пылко.

– Мы хотим обсудить свои тревоги?

– Ерунда! Ничего такого, что не исправит занятие йогой. Пойду встречу новоприбывших, – сказала Алексис, осторожно увиливая от вопроса и от собеседницы.

Она поздоровалась с постоянными посетителями, представилась новеньким, после чего заняла место в первом ряду. Последний предназначался для тех, кто пока стеснялся. Иной раз требовалось мужество, чтобы просто прийти за помощью, и, хотя занятие было рассчитано на людей всех уровней физической подготовки, многим новичкам неловко вставать в специфические позы йоги в кругу незнакомцев.

Порой Алексис приходилось тяжело. Каждый день она чувствовала на себе повышенное внимание, вызывающее беспокойство, хоть уже и не такое сильное. На нее пялились в магазинах, при знакомстве, на улице. Ловя на себе пристальные взгляды, она инстинктивно хотела спрятаться. Не так-то просто ходить, гордо задрав голову, когда твое лицо мелькает в новостях по всей стране.

– Что ж, милые мои, мы готовы вернуть контроль над нашими силами?

Раздались вялые неслаженные «да», поэтому Мариана повторила вопрос. На этот раз женщины ответили увереннее.

– Сегодня среди нас новые лица. Добро пожаловать в наш оазис исцеления и покоя.

Прозвучали робкие приветствия.

– Давайте начнем с позы сукхасаны и сформулируем наши мантры.

Все сели, скрестив ноги и положив руки на колени.

– Я сильная, – приступила Мариана, остальные повторили. – Сегодня я верну контроль над своей силой... своим телом...

Алексис закрыла глаза и проговорила установки, в которых сейчас особенно нуждалась. Вскоре она начала расслабляться, забывая о проблемах и растворяясь в физических ощущениях, в единении сознания и духа, охваченная целебной силой натяжения связок и напряжения мышц.

Мариана размеренным голосом объясняла каждую позу, хвалила новичков и время от времени помогала. При этом она касалась кого-то, лишь получив на то разрешение, что являлось весьма существенным пунктом для тех, кто хочет вернуть контроль над своим телом – вернуть некогда украденное у них. Женщины здесь не соревновались в том, чья психологическая травма серьезнее. Нельзя сравнивать переживания – ни по восприятию, ни по масштабу ущерба. Над ними всеми надругались и отобрали их собственный голос. Теперь они приняли решение вернуть украденное.

Под конец занятия входная дверь отворилась. Стоящая на одной ноге в позе дерева Алексис оглянулась и едва не упала. На пороге, удивленно раскрыв рот и густо покраснев под прицелом двадцати пар глаз, застыла Кэнди.

– Простите... – забормотала она, прижимая к боку большую черную сумку. – Я не знала, что... Простите.

– Ничего страшного, милая, – ласково улыбнулась Мариана. – Прошу, заходи. Здесь всем рады.

– Да нет, я позже вернусь, – сказала Кэнди, отступая.

Алексис на цыпочках вышла в проход и поспешила ее остановить:

– Постой, не уходи! Мы можем побеседовать в моем кабинете, если хочешь.

– Прости, что помешала, – виновато прошептала Кэнди. – Я не знала про занятие.

– Ничего страшного. Мы почти закончили. – Алексис бросила взгляд на женщин, которые потеряли настрой. – Идем в кабинет.

Кэнди нервно пожевала нижнюю губу, раздумывая, и в конце концов кивнула, затем последовала за Алексис через зал, опустив голову, как школьница, которую ведут к директору. Дверь в кухню захлопнулась за ними с громким стуком – будто взорвавшаяся в тишине хлопушка.

Алексис провела посетительницу в свой крошечный, похожий на подсобку кабинет и указала на стул у стены.

– В тесноте да не в обиде. Присаживайся.

Кэнди некоторое время помялась на пятачке между столом и дверью, затем наконец опустилась на самый краешек стула, прикусив губу и нервно дергая ногой.

– Отлично ты придумала... Я про йогу.

Алексис кивнула, усаживаясь в офисное кресло.

– Занятия пользуются успехом.

– Э-э, а все эти женщины они... ну...

– Пережили сексуальное насилие или домогательства, да.

– Ох. Как ужасно.

Подобная реакция далеко не редкость, и у Алексис был заготовлен ответ:

– Ужасно то, как с ними обошлись, а эти занятия – прекрасный способ вернуть контроль над своей жизнью и перестать быть жертвой. – Девушка с трудом сглотнула. – Кэнди, ты не одинока.

– Я... э-э, нет, – замямлила она совершенно растерянно, затем глубоко вздохнула и твердо сказала: – Я пришла не по этому поводу. То есть я не... не...

– Не жертва домогательств?

– Да. Я не об этом хотела с тобой поговорить.

Алексис склонила голову, вновь почувствовав странное родство.

– Мы точно прежде не встречались?

– Дело в глазах... Они кажутся тебе знакомыми, верно?

Она присмотрелась – действительно, у них одинаковые янтарные радужки с зелеными крапинками и карими ободками. Внутри вспыхнули тревожные ощущения. Алексис часто говорили, что у нее необычный цвет глаз, и теперь она словно смотрела на свое отражение в зеркале. И как только раньше не обратила внимания?

– Ты ведь видишь, насколько мы похожи, да? – спросила Кэнди, тяжело дыша. – Я сразу заметила, впервые увидев тебя за прилавком. Тогда и поняла, что это правда.

Тревога все возрастала, перетекая в панику.

– Я не понимаю, о чем ты...

– Мы сестры.

Эти слова прозвучали столь нелепо, что мозг отказывался их воспринимать. Алексис напряженно, отчаянно фыркнула.

– Прости?

Лицо Кэнди приобрело то мягкое, сочувственное выражение, с которым Алексис обычно обращалась к женщинам, приходившим в кафе за поддержкой, а когда заговорила, в голосе звучала та же мягкость, с какой Алексис до этого говорила с ней.

– Ты не знаешь своего отца, верно?

Алексис вскочила так резко, что зашатался стол, карандашница упала, покатилась и шлепнулась на пол.

– Прости, но... Т-ты ошиблась. У меня нет ни братьев, ни сестер.

– Известных тебе.

– Глупости!

Впрочем, не совсем. Алексис действительно не знала отца, поэтому вполне возможно, что тот продолжил производить на свет других детей, когда бросил ее маму. Она порой думала об этом – о нем, – но ничего не предпринимала, поскольку... а какой смысл? Ну найдет она его, что потом? Он никогда не был частью ее жизни и никогда не будет. Ей вполне хватало матери.

– Моего отца зовут Эллиотт Вандерпул, – сказала Кэнди, и Алексис попятилась, пока не уперлась в стену. – Тебе знакомо это имя, верно?

– Нет, – солгала она, отступая в сторону, и, споткнувшись о развязанный шнурок, схватилась за край стола, чтобы не упасть.

– Он и твой отец тоже, – тихо сказала Кэнди.

– Нет, это... это невозможно, – отчеканила Алексис не своим голосом. – Сожалею, но ты зря приехала в такую даль. Ты ошиблась.

– Понимаю, ты удивлена.

Удивлена? Алексис рассмеялась бы над этим преуменьшением века, если бы хоть одна эмоция смогла бы пробиться сквозь охватившее ее оцепенение. Хотелось убежать – не только от Кэнди, но и накрывающей ее волны паники. Однако ноги словно вросли в пол – так же крепко, как виноградная лоза перед кафе. Вот только лоза по крайней мере могла за что-то уцепиться своими ветками.

– У меня есть доказательство, ДНК-тест, – заявила Кэнди.

Алексис вперилась в нее взглядом.

– Откуда у тебя моя ДНК?

– Пару лет назад ты проходила тест на родословную.

Боже правый! Алексис невольно вскинула руку ко рту и отвернулась. Дурацкий тест! То был импульсивный поступок в момент слабости – когда мама умирала в больнице. Мимолетное желание приблизиться к своим корням, прежде чем оторвется единственный якорь, связывающий ее с остальными людьми. Однако результаты теста не поведали ничего нового: все ее предки прибыли из Восточной Европы и ни один не обладал ни малейшей исторической значимостью. Она засунула бумажки с результатами в ящик стола и больше никогда не доставала.

– Я тоже такой сделала, – раздался голос Кэнди будто издалека. – И твое имя было в списке возможных сестер.

Алексис отчаянно пыталась подобрать слова.

– Эти тесты... они могут ошибаться.

– Алексис, у нас одинаковые глаза. – Кэнди поднялась, ее кроссовки заскрипели по линолеуму. – У тебя также есть брат. Его зовут Кейден. И две племянницы, Грейс и Ханна. И невестка по имени Дженни. И тетя с дядей...

– Хватит, – выдавила Алексис. Воздух в легких обернулся ядом. Она попыталась выдохнуть, но ничего не выходило.

– И еще кое-что, – продолжала Кэнди, тон ее голоса сменился с успокаивающего на виноватый.

Алексис заставила себя поднять на нее взгляд, на юном лице застыло прежнее выражение мучительной неловкости.

– Наш отец болен.

Начало фразы вызвало возмущение, однако его быстро заглушил конец.

– В... в каком смысле?

– У него отказывают почки.

И вновь Алексис вздрогнула, будто получив пощечину, и упала обратно в кресло.

– Несколько лет назад он попал в серьезную аварию и повредил почки, – продолжала Кэнди дрожащим голосом. – Он был на диализе, но функция почек не восстанавливается. Ему нужна пересадка.

– То есть ты меня разыскала, потому что... – Алексис не сумела закончить предложения, из груди вырвался сардонический смех.

– Ты можешь подойти, – жалко пролепетала Кэнди. Алексис крепко зажмурилась. Происходящее не реально, верно? – Если ты подойдешь, то можешь спасти ему жизнь. Он в списке на пересадку уже два года.

Ей хотелось заткнуть уши и закричать: «Ла-ла-ла-ла». Плевать! На него и на Кэнди.

– Понимаю, ты шокирована...

Алексис вновь открыла глаза.

– Когда ты обо мне узнала?

Молчание Кэнди говорило само за себя.

– Когда? – тверже повторила Алексис.

– Три года назад.

Три года! Алексис выдохнула столько вопросов, сколько хватило бы на целую жизнь, лишь затем, чтобы вдохнуть новую порцию, достаточную еще на одну. Значит, он тоже знал о ней уже три года? Или знал всегда? Во всяком случае, уж явно не горел желанием ее увидеть.

– Он запретил мне с тобой связываться, – сказала Кэнди, словно прочитав ее мысли.

Значит, он в самом деле о ней знал как минимум три года. Алексис медленно поднялась.

– Думаю, тебе следует уважать его желание.

– Не могу! У нас мало времени. Он уже в третий раз вверху списка для пересадки, но прежде все срывалось. Если он не получит почку в ближайшее время...

– Когда? – невольно спросила Алексис.

– В течение нескольких месяцев. Точно предугадать нельзя.

Внутри волна сочувствия схлестнулась с инстинктом самосохранения – далеко не новая для нее борьба. Кэнди продолжала:

– Понимаю, я прошу об огромной услуге – отдать почку совершенно незнакомому человеку.

Алексис безрадостно рассмеялась и покачала головой. Отдать почку незнакомцу было бы куда проще. Кэнди подошла ближе.

– Хочешь, чтобы я умоляла? Я могу.

Нет, этого Алексис не хотела. Никто не должен торговаться за жизнь любимого человека. Она слишком хорошо помнила это душераздирающее отчаяние, с которым умоляла врачей, ученых и Бога спасти ее маму, обещая сделать все что угодно, сказать, отдать все, что потребуется. Только без толку.

Порой надежда – ловушка для глупцов. Никому не пожелаешь такой пытки.

– Прошу, Алексис! – взмолилась Кэнди.

Она прижала пальцы к глубоким морщинам, образовавшимся на лбу.

– Мне нужно подумать.

– Но...

– Ты знаешь обо мне уже три года, Кэнди. Я заслужила хотя бы пару дней на то, чтобы все осмыслить.

Кэнди беспокойно натянула рукава толстовки на ладони и скрестила руки на груди. Этот жест от другого человека мог означать самозащиту, однако Кэнди таким образом сдавалась. Она тяжело вздохнула, прежде чем коротко кивнуть.

– Хорошо.

– Как мне с тобой связаться?

Кэнди молча подняла с пола свою сумку, достала записную книжку с ручкой и быстро написала номер телефона на чистом листе, который затем вырвала и передала Алексис.

– Я остановилась в отеле, – сказала она. – Мне скоро придется вернуться в Хантсвилл.

– Поняла, – выдавила Алексис.

– Так ты позвонишь или?..

– Мне нужно время.

Губы Кэнди приоткрылись, будто она хотела сказать что-то еще – вероятно, напомнить, что как раз время для них – большая роскошь. Было бы лицемерием это не признать. Нет ничего громче настойчивого тиканья неумолимых часов времени, когда каждая секунда приближает любимого человека к последней черте.

В итоге Кэнди лишь коротко кивнула, сжалась в комок, неловко перекинула сумку через плечо и, бросив на нее взгляд напоследок, вышла. Алексис слушала ее шаркающие, медленно удаляющиеся шаги. Вскоре заскрипела и захлопнулась кухонная дверь.

Несколько мгновений спустя в проеме появилась Джессика.

– Все нормально?

Алексис моргнула, выходя из оцепенения.

– Вы с Марианой сможете сами прибраться? Мне нужно кое-что сделать.

Подруга нахмурилась.

– Конечно, но... Что-то случилось?

– Вроде того.

– Алексис...

Как в тумане, Алексис обогнула Джессику, пересекла кухню, схватила свои вещи и вышла на улицу. Она действовала механически, как легкие, сжимающиеся и разжимающиеся при вздохе. В переулке, рядом с ее машиной, прошла группа нарядных женщин, активно жестикулирующих и смеющихся. Отстраненная часть сознания Алексис уцепилась за них: понимают ли они, как им повезло, что у них нет забот, что им не знакомо это ощущение, будто ты шагнул

в пропасть и жизнь вдруг поделилась на «до» и «после». Вновь. Ибо что бы ни случилось, какое бы решение Алексис ни приняла, ее жизнь уже никогда не будет прежней.

Она едва заметила, как добралась до дома: внезапно перед глазами вырос ее гараж, а машина работала на холостом ходу в наступившей тишине. Когда она успела выключить радио? Оно всегда включалось при повороте ключа зажигания, и бессмысленная болтовня или новостные сводки заглушали хаос мыслей.

Алексис вытащила ключ. Руки упали на колени. Она знала, что нужно делать, однако мышцы отказывались слушаться. Дом утопал во тьме, только в коридоре горел светильник.

Мамы не было в живых больше трех лет, тем не менее этот дом все еще казался ее. В первые несколько недель после маминой смерти Алексис была полна решимости его продать и переехать – в какой-нибудь современный лофт в центре, где можно затеряться в шуме и огнях вывесок. Однако вскоре эта затея начала казаться предательством. Мама пахала на двух работах ради этого дома. Она его заслужила.

Поэтому Алексис осталась. В конце концов она переделала все под себя: потертые диваны уступили место новой стильной мебели, стены были перекрашены, а шкафы заменены. Со временем, очень нескоро, боль потери, возникающая каждый раз, когда она заезжала на подъездную дорожку, приняла более мягкую форму, известную как ностальгия.

Наконец Алексис заставила себя выбраться из машины и зайти в дом. Пирожок приветственно замаякал с лестничного пролета, и она тяжело поднялась на второй этаж. Ее спальня находилась в конце длинного коридора. Она зашла в гардероб и встала на цыпочки, чтобы достать с верхней полки обувную коробку, набитую всякими бумажками.

Самым тяжелым в смерти мамы была необходимость перебрать ее вещи – словно забиваешь последний гвоздь в крышку гроба. От целой человеческой жизни осталась лишь кучка вещей – связанное мамой одеяло, одежда, от которой у Алексис не хватало духу избавиться, стопка разномастной посуды, коллекция сувениров. И эта коробка с фотографиями, открытками и прочими бумажками – Алексис отложила ее на потом, когда найдет время и душевные силы. Она не могла вспомнить, куда точно убрала конкретную, нужную ей сейчас карточку. Прежде та не казалась особенно важной – простая открытка, прикрепленная к букету цветов на похоронах.

Алексис запомнила лишь имя.

Глава пятая

– Эй, ты когда-нибудь встречал жену Русского?

– Чего? – Ноа оторвал взгляд от кошмара в ноутбуке Колтона и недоуменно уставился на виновника этого кошмара.

После двух часов работы он был порядком раздражен. Не только от абсолютной неспособности Колтона придерживаться элементарных правил безопасности в Сети, но и от удручающего ощущения, что Ноа окончательно и бесповоротно превратился в того, кого прежде презирал.

Он находился в роскошном особняке, который, должно быть, стоил больше, чем обычный американец в состоянии заработать за десятилетие, и в котором могли с комфортом жить человек двадцать. Старый Ноа уже бы рвал и метал, возмущаясь экономической системой, которая позволяет таким богатствам скапливаться в одних руках, в то время как новый Ноа на этой системе разживался.

Так что да, он был не в духе.

– Ну, Русского жена, видел ты ее вообще?

Ноа нахмурился.

– Нет, а что?

– Мне кажется, ее не существует.

– Пф-ф, глупости! Конечно, существует. – Ноа взял бутылку пива и сделал глоток.

– Но ее никто никогда не видел. По-моему, он ее выдумал.

Ноа закатил глаза.

– Он профессиональный спортсмен, знаменитость. Забей его имя в интернете и все узнаешь.

– Я гуглил и не нашел ни одной фотки с ней. То есть вообще ни шиша. Разве не подозрительно?

– Слушай, давай ты со своими друзьями потреплешься? – пробурчал Ноа. – Я тут работать пытаюсь.

– А вот это обидно, чувак. Я-то считал тебя своим другом.

Чувство вины вынудило его смягчить тон.

– Ну, у тебя, что ли, нет никаких дел? Я думал, звезды занимаются всякой... звездной хренью.

– Не-а.

Колтон схватил стоящую неподалеку гитару и, положив на колени, сыграл пару аккордов.

– Что-то новенькое? – спросил Ноа, бросив на него заинтересованный взгляд. Тот пожал плечами.

– Да так, работаю над новым альбомом.

В его голосе проскользнуло едва заметное напряжение. Друг – а они, как ни странно, в самом деле дружили – серьезно относился к новому альбому, от которого зависело многое, поскольку его первые два стали платиновыми, а вот последний добился гораздо меньшего успеха – ни одна песня не попала в чарты.

– Ты бы мог навести справки.

Ноа взглянул на друга поверх очков.

– Насчет чего?

– Ну, жены Русского.

– Почему я-то?

– Ты ведь работаешь на ЦРУ, верно?

– Да, – отозвался Ноа с каменным лицом. Друзья были уверены, что за его компанией стоит какая-то влиятельная организация.

Колтон замер.

– Черт! Seriously, что ли?

– Боже милостивый. – Ноа закатил глаза и вновь застучал по клавиатуре.

– Чувак, у вас даже имеется фургончик для слежки.

– Как и у всех компьютерных компаний.

– Заливаешь!

Ноа вздохнул и откинулся на спинку стула.

– К нам обращаются для проверки безопасности систем, в том числе систем коммуникаций и видеонаблюдения.

– Ага, так я тебе и поверил. Ты точно работаешь на ФБР или типа того.

Ну, Колтон не совсем ошибался. По крайней мере однажды Ноа работал на ФБР – сотрудничество с правительством спасло его от колонии.

Только те деньки давно позади. Теперь он собирал тысячи с таких богатеньких лопухов типа Колтона, защищая их компьютеры от вирусов с порносайтов.

Зазвонил телефон. Ноа достал его из кармана – на экране высветилось лицо Алексис, – он тут же просиял и спешно ответил:

– Привет!

На другом конце провода послышалось шуршание, а затем слабое:

– Ноа...

Он похолодел.

– Что случилось?

– Ты можешь... – у нее оборвался голос.

Ноа вскочил, едва не опрокинув обеденный стол, за которым сидел.

– В чем дело?

– Кое-что произошло. Можешь ко мне заехать?

– Уже в пути.

Ноа стремительно засунул телефон обратно в карман и выудил из другого ключи от машины.

– Все нормально? – встревожился Колтон.

– Мне надо бежать.

Ноа летел по городу так, будто скрывался от погони в GTA. Заехав на подъездную дорожку дома Алексис, он заглушил мотор и пулей выскочил из машины. Входная дверь оказалась незапертой, поэтому он вошел без стука и громко позвал хозяйку.

– Тут, – хрипло ответила она со второго этажа.

Ноа взлетел вверх, перемахивая через две ступеньки разом, миновал коридор и ворвался в спальню. Алексис сидела на подоконнике, одетая в широкие спортивные штаны и старый огромный свитер, волосы собраны на макушке в неаккуратный пучок. При его появлении она повернулась, и он увидел ее красные опухшие глаза. Одним словом, выглядела она ужасно. В груди защемило.

Ноа окинул комнату беглым взглядом – на полу валялись бумаги с фотографиями, кровать усыпана всяким барахлом, – затем широкими шагами пересек разделяющее их расстояние и опустился перед ней на колени.

– В чем дело, что случилось?

Она молча передала ему смятую желтую карточку, какую обычно прикрепляют к цветам. На ней спешным почерком было написано имя: «Эллиотт В.».

Ноа недоуменно нахмурился и вновь заглянул Алексис в лицо.

– Кто этот Эллиотт В.?

– Очевидно, мой отец.

Спустя десять мучительно долгих минут Ноа удалось вытянуть из Алексис историю целиком – оказывается, та девушка, которая неделю пыталась с ней заговорить, была вовсе не жертвой насилия, а ее сестрой.

Ноа сохранял спокойное выражение лица во время рассказа, однако внутри все бурлило от сопереживания и ярости – чистой, раскаленной ярости. Этот урод игнорировал родную дочь всю жизнь, а теперь ему вдруг понадобилась ее почка?!

– И ты веришь этой Кэнди?

Алексис вытерла нос.

– Зачем ей врать?

– Ну, по каким только причинам не врут люди.

– У нас одинаковые глаза. К тому же у нее есть подтверждение ДНК-теста.

– Ты его видела?

– Нет, но я нашла это. – Она указала на карточку с именем. – Каковы шансы, что некий другой Эллиотт В. прислал цветы на мамины похороны?

Ноа нервно запустил пальцы в волосы.

– Что будешь делать?

– Пока не знаю.

Он положил руки на колени Алексис и, заглянув в глаза, мягко поинтересовался:

– Как ты себя чувствуешь? – Она отвела взгляд и тяжело сглотнула. – Эй, посмотри на меня, – попросил Ноа, и она послушалась, однако неестественно выпрямилась, а на лице застыла отстраненная маска. – Не надо так.

Ноа часто видел ее такой и теперь понимал – она пытается от него закрыться, спрятать настоящие эмоции. Его мама тоже так себя вела после смерти отца. Ноа боялся, что Алексис, как и мама, в один момент просто взорвется с оглушительной силой. Оставалось лишь надеяться, что хотя бы в этот раз он будет рядом и поможет собрать осколки.

Она прочистила горло с явным усилием.

– Как «так»?

– Не надо от меня отгораживаться. Не надо скрывать, что расстроена.

Она коротко покачала головой.

– Все нормально.

– Не нормально. Ты в шоке, твоя жизнь опять перевернулась с ног на голову.

Алексис скрестила руки на груди и вновь тяжело сглотнула.

– Просто... просто надо все переварить.

Ноа отчаянно вздохнул, после чего поднялся и поморщился – ноги затекли.

– Налюй тебе горячего чая.

– Не стоит...

– Мне вовсе не сложно. – Он заправил завиток волос ей за ухо. – Быть может, я даже добавлю в кружку пару капель виски.

Она улыбнулась – в равной степени печально и натянуто.

– Ты просто золото.

– И не говори, – он ухмыльнулся и подмигнул. В груди расплзлось тепло при виде легкого изгиба на ее губах, уже больше напоминающего искреннюю улыбку. – Я быстро – одна нога здесь, другая там.

Ноа спустился с лестницы и на последней ступеньке еле-еле избежал покушения на убийство со стороны Пирожка, который бросился ему наперерез. Чертов кот его ненавидел и обожал напоминать об этом максимально злобным способом – то кидался поперек дороги, едва не сбивая Ноа с ног, то выпрыгивал из-под стола, чтобы объявить войну его шнуркам. Теперь же, потерпев очередную неудачу, он с недовольным шипением поскакал вверх с прытью, весьма неожиданной для животного, чье пузо почти касалось земли.

На кухне Ноа включил чайник и отыскал в шкафчике пакетик ромашкового чая. Все приготовив, он, верный своему обещанию, плеснул в кружку немного виски, а себе налил неразбавленного и добавил пару кубиков льда. Когда он вернулся в спальню, Алексис уже сидела на кровати, поглаживая устроившегося на ее коленях Пирожка.

– Он опять пытался меня убить, – пожаловался Ноа в надежде выудить из нее еще одну улыбку.

Она убрала кота и взяла кружку чая.

– Спасибо.

– Развести огонь? – предложил он, кивая в сторону камина.

– Давай.

Ноа поставил свой стакан на прикроватную тумбочку и принялся за работу. Минуту спустя все было готово. Алексис передвинулась к изголовью кровати. Сбросив обувь, Ноа уселся рядом с ней, неловко поежившись от скрипа матраса. Он уже множество раз бывал в ее спальне: например, когда приносил поленья; тем не менее до кровати – чего-то столь интимного – еще не добирался.

Алексис отхлебнула чая и зашипела.

– Горячо?

– Я бы даже сказала горячительно.

Ноа фыркнул.

– Алкоголь поможет расслабиться.

– А волосы на груди не полезут?

– Чертовски надеюсь, что нет.

Алексис рассмеялась – слава богам! – затем сделала еще один глоток, и, видимо, напиток начал действовать, поскольку она немного расслабилась и запрокинула голову. Чуть позже она повернулась к Ноа.

– Спасибо, что пришел.

Он тоже откинулся назад, их лица теперь разделяли считанные сантиметры.

– Для чего еще нужны друзья?

– Надеюсь, я не отвлекла тебя от важных дел.

– Не-а. Только от конспирологических теорий Колтона.

Она вновь рассмеялась и вдруг положила голову ему на плечо; ее пушистый пучок на макушке защекотал подбородок. От нее пахло травами – некими эфирными маслами, которыми она мазала за ушами при головной боли.

– На следующей неделе мамин день рождения, – внезапно сказала Алексис.

– Да?

Немного повернув голову, она заглянула ему в глаза.

– Отчего-то на день рождения сложнее, чем в годовщину смерти. Странно, да?

Они редко обсуждали родителей, хотя оба потеряли по одному слишком рано: ее мама умерла от рака три года назад, а его отец – на войне в Ираке, когда Ноа было пятнадцать. Эти трагедии их связывали, делали членами некоего клуба, в который они вступили вопреки желанию и теперь разделяли чувства, непонятные тем, кто в этот клуб не входил. Слишком ранняя утрата одного из родителей вызывает в человеке ощущение одиночества – кажется, будто ты не такой, как остальные. Возможно, именно поэтому они и не поднимали эту тему, понимая друг друга без всяких слов и не испытывая необходимости описывать свою печаль.

Ноа проглотил комок в горле.

– Вовсе не странно.

– Как насчет тебя?

– Годовщина хуже всего, – признался он, но тут же покачал головой и уронил взгляд на колени. – Хотя, скорее, ночь перед ней.

– Почему?

– Потому что я невольно начинаю отсчитывать часы и минуты до того момента, как нам сообщили о его смерти. Не получается отвлечься, не выходит заснуть. К утру я чувствую себя... – Ноа замолчал, затрудняясь с выбором подходящего слова.

Алексис не торопила, лишь терпеливо ждала. Возможно, это качество появилось у нее благодаря общению с жертвами насилия, однако Ноа подозревал, что она всегда была такой – хорошей слушательницей, хорошим другом, хорошим человеком.

– Совершенно беспомощным, – наконец нашел он нужное слово. – Я ничего не могу поделать. Не могу вернуться назад и все исправить.

Она понимающе кивнула, сочувственно улыбнулась и вновь положила голову ему на плечо.

Тихо потрескивал огонь в камине. Пирожок в ногах кровати причмокивал, вылизываясь. Алексис вздохнула. И внезапно в груди что-то вспыхнуло, словно солома, на которую упала искорка. Они вовсе не впервые сидели так близко; смотря фильмы, она обычно закидывала ноги ему на колени, а пару недель назад заснула у него на плече. Однако сегодня все казалось другим.

Возможно, виноваты подколы друзей: посеянные ими зерна сомнения начали прорастать. А возможно, друзья правы: Ноа действительно испытывал к подруге романтические чувства и теперь, видя ее такой беззащитной, уже не мог их игнорировать. Тем не менее, хоть он и не был садоводом, одно он знал: растения прорастают только в свое время. А Ноа упустил тот момент, когда их отношения могли перерасти в романтические. Рискнуть их дружбой теперь было безумием.

Особенно прямо сейчас. Ноа не запирает себя во френдзоне. Он был для Алексис настоящим другом.

– Мама никогда не говорила об отце?

– Ни разу. По крайней мере не называла его по имени. – Алексис облизала пересохшие губы. – Когда мне исполнилось восемнадцать, она предложила все рассказать, но я не хотела ничего знать. Это казалось неважным – очевидно, отцу не было до меня дела, так зачем мне думать о нем?

Насколько Ноа мог судить, ему и сейчас нет до нее дела. Этот урод посредством одной дочери пытался надавить на жалость другой – той, которой никогда не интересовался, – чтобы она рискнула своей жизнью ради спасения его ничтожной душонки.

– Что собираешься делать? – наконец спросил Ноа.

– Понятия не имею.

– Не обязательно что-то делать, ты ведь знаешь? Ты ничего им не должна.

Алексис подавила зевок.

– Глаза слипаются.

– Тогда поспи. Нужно хорошо выспаться, чтобы оправиться от потрясения.

Она вновь зевнула, и Ноа забрал кружку из ее слабых рук.

– Ложись.

– Уже уходишь? – почти испуганно спросила она, приподнимая голову и заглядывая ему в глаза.

Ноа поцеловал ее в лоб.

– Никуда я не ухожу.

Немного отодвинувшись, Алексис свернулась калачиком. Вскоре ее дыхание выровнялось и замедлилось. Ноа же сумел заснуть лишь спустя несколько часов.

Воздуха не хватало. На грудь давило нечто тяжелое и теплое. Ноа проснулся с резким вдохом. Из тьмы на него уставились горящие желтые демонические глаза.

Пирожок.

Вот и все. Настал конец. Котяра увидел его спящим рядом с любимой хозяйкой и решил довести дело до конца – навсегда избавиться от врага. Он стоял на его груди, вцепившись когтями в футболку, взгляд источал ненависть.

– Эй, – прошептал Ноа, покосившись на Алексис, – она крепко спала. – Спокойно, приятель, не горячись.

Пирожок раскрыл пасть, и на грудь что-то бухнулось. Ноа присмотрелся –дохлая мышь.

– Твою ж!.. – прошипел он, вскакивая с кровати. Пирожок недовольно мяукнул, вцепившись в его футболку, затем отпрыгнул, словно горгулья. Мышь упала на пол с глухим стуком.

Алексис зашевелилась, но не проснулась. Ноа глянул на мерзкую тушку – надо скорее убрать и вымыть пол. Он тихо прошел в ванную, отыскал под раковиной салфетки и пакет. Сидящий у лестницы Пирожок не по-кошачьи зарычал, когда Ноа проходил мимо, и тот едва сдержался, чтобы не показать засранцу средний палец.

Задержав дыхание, он поднял грызуна салфеткой и засунул в пакет. Алексис вновь зашевелилась, и он замер. Ее грудь медленно вздымалась, на лице – совершенно спокойное выражение, впервые на его памяти. Захотелось лечь рядом и крепко ее обнять.

Именно поэтому Ноа заставил себя выйти из комнаты. Спустившись вниз, он выбросил мышь в ведро у заднего входа, затем вытащил из кармана ключи от машины. Сон как рукой сняло, так что он решил заняться чем-то полезным.

Достав из салона рюкзак, Ноа вернулся в дом, упал на диван и открыл ноутбук, после чего быстро ввел «пересадка почки» в поисковик. Первая же ссылка отправила его на сайт клиники Мэйо, одного из крупнейших частных медицинских центров мира. Он откинулся на спинку дивана и пролистал информацию.

«В Соединенных Штатах каждый год проводятся тысячи операций по пересадке почки... больший шанс на успех при пересадке от живого донора... минимальный риск дальнейших проблем со здоровьем для донора... полное восстановление после операции в течение полутора месяцев».

Ноа просмотрел еще несколько ссылок, но везде примерно одна и та же информация: пересадка почки – весьма безопасная процедура для донора с небольшим риском для жизни и здоровья, а при донорстве от кровного родственника уменьшается вероятность отторжения органа организмом реципиента.

Ноа провел руками по лицу. Уставившись в потолок, он представил спящую там, наверху, Алексис – теплую, расслабленную. Застонав, вновь взглянул в ноутбук и в этот раз ввел имя Эллиотта Вандерпула. Спустя всего пять минут он понял: мужчина повинен не только в том, что бросил собственную дочь.

Этот ублюдок являлся главным инженером авиакосмического отделения «БосТех», одного из крупнейших в стране военных разработчиков. Пять лет назад они фигурировали в деле о сокрытии информации. В компании знали о недоработках в системах навигации, но ничего не предприняли, а в Ираке из-за их неисправных беспилотников погибли сотни мирных жителей.

А значит, у Эллиотта руки по локоть в крови.

Такой человек не заслуживал даже дышать одним воздухом с Алексис, что уж говорить о ее почке.

Глава шестая

После пробуждения Алексис ощущала себя опустошенной и измотанной, словно одна из тех тыкв для Хеллоуина, которые тщательно освобождают от мякоти и вырезают в них рожицы. Причем такой, которая весь ноябрь пролежала на сырой земле и была готова рассыпаться на кусочки от малейшего прикосновения.

Засыпала она на покрывале, а проснулась под ним – видимо, Ноа накрыл перед уходом. На удивление, она беспробудно проспала всю ночь – должно быть, из-за виски.

Вялое течение мыслей прервало настойчивое мяуканье. У кровати сидел Пирожок. Алексис похлопала по одеялу, подзывая его к себе. Обдумав предложение, кот оторвал свою маслянистую тушку от пола и запрыгнул на кровать. Потершись пушистой мордочкой о ее лицо, он улегся рядом с громким мурлыканьем – только Алексис он доверял настолько, чтобы расслабиться в ее компании. Он в принципе доверял только ей. Бедняга, никто его не понимал.

Алексис взяла Пирожка домой спустя всего месяц после смерти матери. Она не планировала заводить нового питомца, ей и с собственными потребностями едва удавалось справляться, о дополнительной ответственности не могло быть и речи. Однако ей позвонили из приюта и попросили взять на передержку кота, которого вот уже три месяца все никак не заберут. Едва взглянув на эту злобную мордашку, Алексис сразу поняла, что не сможет его отдать. Она просто не могла отвернуться от одинокого существа.

Почти всегда одиночки сражаются на войне, неведомой остальным.

На прикроватной тумбочке зазвонил будильник. Пора вставать. Нельзя валяться в постели вне зависимости от произошедшего накануне. Какое бы потрясение ни всколыхнуло ее жизнь, кофе само за собой не присмотрит.

Извинившись перед Пирожком, Алексис села и откинула в сторону вязаное покрывало. Вдруг до нее донесся знакомый запах.

Аромат кофе.

Сперва Алексис сочла его игрой воображения. Однако, когда она встала, запах усилился. Может, Ноа запрограммировал кофе-машину на это время? Вполне в его духе. В груди разлилось нечто сладостное и тягучее, как мед. Она направилась к выходу и резко замерла в дверях, услышав шум снизу – похоже на звон посуды.

Мед в груди мгновенно испарился, а сердце перекувыркнулось – Ноа все еще в доме! Взяв себя в руки, Алексис юркнула в ванную и оглядела свое заспанное лицо – опухшие красные глаза и щеки, волосы напоминают воронье гнездо. Да уж, просто красotka! Она торопливо скрутила гриву в пучок и умылась.

Наконец Алексис спустилась, ступая босиком по мягкому ковру, прошла в кухню и застыла в дверях, любясь открывшимся видом. Ноа стоял к ней спиной, прислонившись к кухонному островку. На нем была вчерашняя одежда, теперь мятая, распущенные волосы лежали на плечах пышными блестящими кудрями – модели отстегивают сотни долларов, чтобы добиться подобного результата. В одной руке он держал кружку, а другой листал ленту «Твиттера» в телефоне.

Алексис зашла и, стараясь говорить непринужденно, поздоровалась. Ноа обернулся, на лице тут же расплылась улыбка – впрочем, несколько утомленная.

– Привет, – отозвался он немного хриплым с утра голосом. – Как спалось?

– Хорошо. – Она обхватила себя руками. – Я думала, ты ушел.

Его брови за большими очками удивленно приподнялись.

– Разве я мог оставить тебя одну? – Он кивком указал на стул. – Садись, я приготовлю завтрак.

– Спасибо, но хватит и кофе. Вряд ли я смогу хоть что-нибудь сейчас проглотить.

Она плюхнулась на стул, задрав одну ногу на край, и принялась наблюдать за Ноа: он достал из шкафчика чистую кружку, налил кофе, добавил сливки и сахар, а затем поставил перед Алексис и сел напротив.

– Как ты?

– Ну, внутри пустота. Вчерашний вечер кажется сном. – Алексис обхватила кружку ладонями, наслаждаясь исходящим от нее теплом. – Спасибо, что остался со мной.

Он слегка чокнулся с ней.

– Для чего еще нужны друзья?

Какое-то время они пили кофе в тишине. Алексис подавила зевоту, прикрывшись ладонью.

– Возьми сегодня выходной, – обеспокоенно предложил Ноа.

– Не могу.

– Хотя бы изредка-то можно брать отгулы, Лекса.

– Как обычно проходит твой рабочий день?

Он приподнял бровь, удивляясь столь резкой перемене темы.

– В основном отвечаю на кучу нудных голосовых сообщений, встречаюсь с потенциальными клиентами и решаю текущие проблемы.

– Хм, похоже, интересно.

– Как бы не так. Я бы лучше остался с тобой.

В груди вновь разлилось тепло, только в этот раз оно сопровождалось ноткой неуверенности. Что именно значили его слова?

– Во сколько начинается праздничный ужин?

Ноа откинулся на спинку стула.

– Хочу его отменить.

– Что? Не надо!

– Слишком много суеты. Давай лучше посидим дома, пособираем легио?

– Я хочу пойти, Ноа. Мне нужно развеяться. – Она натянуто улыбнулась. – Я приготовлю любимые фаршированные грибы Зоуи, вдруг она все же придет.

– О нет, ни в коем случае нельзя разочаровывать Зоуи.

Алексис пихнула его ногу под стол.

– Ты боишься ее не меньше, чем я.

– Совершенно верно.

Они обменялись улыбками и вновь помолчали. Алексис открыла рот, намереваясь повторно поблагодарить его за компанию, однако он ее опередил:

– Когда ты заснула, я порылся в интернете.

У нее перехватило дыхание.

– Зачем?

– Поискал информацию. На него.

Кофе в желудке превратился в деготь.

– И что нашел?

– Похоже, Кэнди говорила правду. Он живет в Хантсвилле, у него двое взрослых детей, Кэндис и Кейден. Работает на инженерную авиакосмическую компанию, у них на сайте есть его свежая анкета, я распечатал. Взгляни, если хочешь.

Он постучал пальцами по перевернутой стопке бумаг у ноутбука. Помешкав, Алексис кивнула. Ноа пододвинул бумаги, однако она к ним не притронулась – прочитает позже.

– Нашел что-то еще?

На лице Ноа отразилось сомнение.

– Ты вроде говорила, твоя мама из Теннесси?

– Да, а что?

– Эллиотт из Калифорнии и, судя по всему, уехал оттуда только в девяносто девятом.

– До моего рождения мама два года жила в Калифорнии.

Ноа рассеянно кивнул, однако взгляд оставался задумчивым.

– Полагаю, тогда все складывается.

Алексис нахмурилась.

– Ты что-то не договариваешь?

– В онлайн-архиве я обнаружил объявление о его свадьбе.

Ноа открыл ноутбук, клацнул несколько клавиш и развернул экран к ней. С фотографии на Алексис смотрели сияющие жених с невестой, которые стояли, тесно прижавшись друг к другу и взявшись за руки.

Сердце пустилось вскачь, комната пошла кругом. Алексис впиалась в мужчину пристальным взглядом. Это и есть он? Ее отец? Тот, кого мама никогда не упоминала, кто никогда не интересовался собственной дочерью, кто бросил ее маму одну с ребенком на руках? Черно-белая газетная фотография не позволяла разглядеть детали его внешности и тем более цвет глаз, поэтому Алексис перешла к статье:

Саммонс-Вандерпул

Эндрю и Эллен Саммонс из Редленда с радостью сообщают о бракосочетании их дочери Лорен с Эллиоттом Джеймсом Вандерпулом из Санта-Барбары, которое состоялось 23 марта. Молодые люди обвенчались в соборе Св. Франциска в Редленде, за церемонией последовал прием в исторической гостинице «Мишен» в округе Риверсайд. Молодожены познакомились, будучи студентами Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, где жених позже защитил докторскую диссертацию в области авиационного и космического строения, а невеста получила степень бакалавра по педагогике. На данный момент жених работает инженером в лаборатории «Джет пропалшен», а невеста – воспитательницей в детском саду. Молодожены провели медовый месяц в итальянской Тоскане и поселились в Пасадене.

Алексис дважды пробежалась по тексту взглядом, затем внимательно перечитала, останавливаясь на ключевых словах и фразах, позволяющих выстроить в голове четкую картину – картину успешной и вольготной жизни, уверенности и стабильности, здоровья и комфорта.

Внутри вспыхнула обида и возмущение от вопиющей несправедливости. В детстве Алексис никогда, ни разу не чувствовала себя в чем-то ущемленной. Даже когда поняла, что их семья немного отличается от большинства семей. Ей всегда было достаточно того, что она имела.

Но что насчет мамы? Как бы сложилась ее жизнь, если бы ей не приходилось так много работать? Если бы не нужно было влезать в долги, чтобы дать дочери образование и шанс на лучшую жизнь? Если бы у нее была хорошая медицинская страховка и ей бы не приходилось последние месяцы жизни переживать о том, что дочь скоро останется совсем одна с кучей счетов за лечение?

Подступила тошнота, и Алексис спешно отодвинула ноутбук.

– Ну, я знала, что он женат. Не понимаю, зачем...

– Посмотри на дату, Лекса.

Взгляд машинально нашел нужную информацию вверху страницы – 3 апреля 1989 г.

Сперва она ничего не поняла.

А потом поняла все.

Алексис родилась в том же месяце того же года.

Она уставилась на Ноа и, проглотив застрявший в горле тугой комок невнятных эмоций, выдавила:

– Он не мой отец.

– Ну, это еще не значит...

– А вот и значит. Как такое возможно? Мама должна была забеременеть, когда он уже был обручен.

Ноа так на нее посмотрел, что Алексис почувствовала себя одновременно наивной и глупой. Она встряхнула головой.

– Нет. Мама бы не стала встречаться с обрученным мужчиной. Разве что...

– Что?

– Разве что по неведению. Возможно... он скрывал от нее свою невесту, а когда мама рассказала о беременности, он испарился, – быстро пробормотала она, отчаянно ища объяснения – вразумительного ответа на вопрос, горящий в голове: «Почему?!»

Ноа закрыл ноутбук и наклонился ближе.

– Давай не будем забежать вперед, – проговорил он спокойным, умиротворяющим голосом. – Самый верный способ удостовериться, что он действительно твой отец, это сделать тест на отцовство.

Верно. Алексис кивнула, уронив взгляд на свои вцепившиеся в колени пальцы.

– Или... – протянул Ноа, и она вновь вскинула голову.

– Или что?

– Или ничего не делать и сказать им, чтобы оставили тебя в покое.

Она подскочила на стуле.

– Я не могу их просто игнорировать!

– Ты не обязана что-либо делать.

– Ноа, он же умирает!

– О чем ты узнала только вчера! Да ты о нем самом узнала только вчера.

– Но теперь-то я знаю.

Ноа откинулся на спинку стула и убрал с лица кудрявую прядь. На его виске пульсировала жилка, будто недосказанное буквально билось изнутри, пытаясь вырваться наружу.

– Что? – требовательно спросила Алексис.

Он покачал головой и, схватив кружку, встал.

– Ничего.

– Мы же договорились неничегокать, забыл? Выкладывай.

Он подошел к кухонному островку, повернулся, открыл рот и вновь закрыл. Наконец с тяжелым вздохом сказал:

– Ты не обязана спасать весь мир, Алекса.

– Я и не пытаюсь.

– И как тогда называется то, что ты делаешь? – Ноа поставил кружку в раковину и вернулся на прежнее место, их колени под столом соприкасались. – Я правда восхищаюсь твоей работой в кафе – ты помогаешь женщинам, пострадавшим от насилия, и, черт, даже котов спасаешь!

– Но?

– Но ты и так крутишься как белка в колесе. А теперь хочешь взвалить на свои плечи и эти проблемы? Когда ты уже остановишься на минуточку и передохнешь?

В горле образовался тугой комок. Алексис вскочила, пытаясь скрыть свою реакцию.

– Мне надо собираться на работу.

– Эй, Алексис, – мягко позвал Ноа, беря ее за руку и погладив большим пальцем; от тепла его кожи и ласки в груди заныло. – Просто не забывай порой заботиться и о себе.

Тупая боль усилилась, перерастая в острую. Не только из-за самих слов, но и из-за того, как он это сказал. Или у нее разыгралось воображение? Выдает желаемое за действительное?

Алексис прочистила горло и убрала руку.

– Еще раз спасибо, что остался со мной. И за все это. – Она указала на компьютер.

Ноа откинулся на спинку стула.

– Я всегда готов помочь, ты ведь знаешь?

Она кивнула так коротко, что он вполне мог не заметить.

– Оставлю здесь все распечатки, – сказал он, поднимаясь и отодвигаясь, чтобы ненароком не коснуться. – Ты как?

«Нет. Я пытаюсь увернуться одновременно от десятка пуль».

– Да все нормально.

Ноа скептически изогнул бровь.

– Ну, может, не совсем, но... – она вдохнула сквозь стиснутые зубы и резко выдохнула. – Даже не знаю...

Выражение его лица стало серьезным.

– Иди ко мне.

Одним шагом преодолев разделяющее их расстояние, Ноа заключил ее в крепкие объятия. Алексис щекой чувствовала биение его сердца – сильное, уверенное, успокаивающее. Он поцеловал ее в макушку, прямо как вчера вечером, когда она положила голову ему на плечо. Его руки поглаживали ее спину.

– Мы со всем разберемся, – пробормотал он ей в волосы. – Тебе не нужно принимать решение прямо сейчас.

– Но скоро. Кэнди сказала, у него мало времени.

Сжав ее напоследок, Ноа отстранился.

– Звони, если что-то понадобится.

Алексис вновь обхватила себя руками, словно защищаясь от холода.

– Ага.

– Я серьезно.

– Знаю.

Несколько долгих мгновений он внимательно вглядывался ей в лицо, будто пытаясь на нем что-то прочесть, и наконец сказал:

– Заберу тебя в шесть.

Застыв на месте, она наблюдала за тем, как он убрал ноутбук в рюкзак, взял ключи от машины со столешницы. Когда он потянулся к ручке двери, она наконец обрела голос:

– Правда, спасибо тебе.

Ноа с улыбкой повернулся.

– Зачем еще нужны друзья?

Алексис дождалась, пока его машина не отъедет, и только тогда поднялась вверх, чтобы принять душ и собраться на работу.

Она припарковалась на аллее за «Кошачьими лапками» в семь. Обычно Алексис приезжала раньше, даже когда не ей надо было открывать кафе. Тем не менее, войдя внутрь, она обнаружила, что у Джессики и Бет все под контролем. От кассы тянулась длинная очередь. Алексис спешно натянула на себя фартук и присоединилась к Джессике у прилавка.

Та бросила на нее быстрый взгляд, затем посмотрела внимательнее, удивленно вскинув брови.

– Ну и ну, все в порядке?

– Ага, – солгала Алексис и повернулась к покупательнице. – Доброе утро, миссис Башар, как поживает малышка Макси?

Макси – трехцветный котенок, которого миссис Башар взяла себе во время одного из благотворительных вечеров в кафе пару недель назад. Женщина широко улыбнулась и достала телефон.

– Ох, прекрасно! Просто ангелочек.

Она показала фотографию на экране, где котенок спит на груди ее мужа. Алексис рассмеялась.

– А мистер Башар говорил, что не хочет больше заводить кошек.

– У самых суровых мужчин обычно самое мягкое сердце, – отозвалась миссис Башар, возвращая телефон в сумочку.

Алексис приняла заказ постоянной посетительницы и пообещала заглянуть в ее швейный магазин, располагающийся по соседству. Затем она с головой окунулась в чудесную утреннюю суету, которая продлилась около часа.

Обслужив последнего в очереди, Алексис направилась на кухню, чтобы пополнить запасы сконов и кексов перед новой волной покупателей.

Едва двери кухни захлопнулись за спиной, по помещению разнесся суровый голос Джессики:

– Выкладывай, в чем дело?

Алексис вытащила поднос с кексами из многоярусной тележки у стены.

– Ничего, а что?

– Сперва ты убегаешь из кафе с таким лицом, будто увидела привидение. А потом заявляешься на работу в таком виде.

– В каком?

– Хреновом.

– Ну спасибо. – Алексис поставила поднос на стол.

– В чем дело? И даже не пытайся притворяться, будто все нормально. Я вижу тебя насквозь.

Алексис замерла, склонившись над кексами. Джессика действительно слишком хорошо ее знает, они вместе прошли через настоящий ад.

– Даже не знаю, с чего начать.

– Начни сначала.

Алексис оперлась о край стола, глубоко вдохнула, набираясь сил, и на выдохе выпалила:

– Ноа ночевал у меня, и я вроде нашла своего отца.

Джессика уронила челюсть. Лицо выражало такое потрясение, что Алексис бы посмеялась, если бы сердце не выпрыгивало из груди. Наконец подруга захлопнула рот и часто заморгала, приходя в себя.

– Ого, – выдохнула она. – Так, к Ноа вернемся позже, сперва о главном – в каком смысле «нашла отца»? Как?

Чтобы успокоиться, Алексис принялась перекладывать кексы на тарелку.

– Та девушка, с которой я вчера разговаривала, утверждает, что мы сестры, а мой давно потерянный отец смертельно болен и нуждается в пересадке почки.

– И ты ей поверила?

– Ну, на то есть основания. У нас одинаковые глаза, а кто-то с именем ее отца отправил цветы на мамины похороны. Пока все складывается.

Гневный прищур Джессики предвещал бурю.

– И где его носило все эти годы?

– Не знаю. – Алексис почувствовала на языке горьковатый привкус предательства. – Не знаю даже, было ли ему обо мне известно.

Внутри болезненно заныло. Возможно ли, что мама утаила беременность от Эллиотта и таким образом осознанно лишила дочь отца? Была ли она способна на подобное?

Алексис встряхнула головой, прогоняя неприятную мысль прочь. Нет, мама не могла так поступить. Единственный возможный вариант – Эллиотт отказался признавать дочь и жениться на маме из-за своей невесты.

– Все же какая-то мутная история складывается, – протянула Джессика, подходя ближе. – Эта девушка нашла тебя именно сейчас, когда ее отцу нужна почка... Довольно странно, не находишь?

У Алексис все сжалось в груди.

– И что?

– Ну, в прошлом году ты постоянно мелькала в новостях... – Джессика пожала плечами. – Не знаю, может, это какой-то ужасный розыгрыш или вроде того.

– Слишком жестоко для розыгрыша.

– Алексис, уж ты-то должна понимать, насколько жестокими порой бывают люди.

Та пожала плечами.

– Я пытаюсь видеть в людях лучшее, пока они не докажут обратное.

– Именно поэтому ты такой хороший человек, которым мне никогда не стать.

Встряхнув головой, Алексис отодвинула тарелку с кексами и взяла новую.

– Кэнди говорит, она сделала ДНК-тест на выявление родословной три года назад и таким образом узнала про меня.

В глазах Джессики засверкали молнии.

– Серьезно? И она пришла только сейчас, когда ему понадобилась почка? Ведь ты не дойная корова!

Алексис вздрогнула.

– Прости, – тут же смягчилась подруга. – Перегнула палку.

– Ну, не так уж ты ошибаешься.

Джессика прикусила губу, явно борясь с желанием задать еще вопрос. Наконец решительно выдохнув, она спросила:

– А если ты не подойдешь для пересадки, что тогда?

– Не знаю.

– А Ноа что думает обо всей этой истории?

Алексис вспыхнула, и подруга с любопытством склонила голову.

– Теперь поговорим о его ночевке?

– Я вчера была ужасно подавлена, и он не хотел оставлять меня одну. – Она отошла за новым подносом выпечки. – Ничего такого.

– Тогда почему ты краснееешь?

– Не краснею я.

– То есть он просто переночевал, а утром уехал, и больше ничего не произошло?

«Не забывай порой заботиться и о себе», – вновь прозвучали в голове ласковые слова, а место его прикосновения приятно закололо.

– Не знаю, – тихо проговорила она. – Думаю... Он вдруг так взглянул на меня, и я... – Алексис отчаянно застонала и закрыла лицо руками.

– Ты что?

– Он словно смотрел на меня как-то... не знаю, иначе, понимаешь? Но, может, мне показалось?

Подруга рассмеялась.

– Не показалось, поверь мне. Он уже давно на тебя так смотрит, ты единственная не замечаешь.

Алексис убрала ладони с лица и сосредоточилась на сконах.

– В общем, не важно. Мы не можем быть вместе.

– Почему?

– Это разрушит нашу дружбу.

– Глупости!

– Ноа – лучшее, что есть у меня в жизни. Я не могу его потерять.

– Многие серьезные отношения начинаются с дружбы.

– Только эта дружба слишком много для меня значит, чтобы ею рисковать.

Джессика положила ладони ей на плечи.

– Может, он готов рискнуть? Ты заслуживаешь счастья, Алексис.

– Я счастлива.

Подруга недоверчиво склонила голову.

– Позволь еще кое о чем спросить.

Алексис нехотя кивнула.

– Что будет, если ты подойдешь для донорства?

Она не ответила, да и зачем? Бессмысленно притворяться, будто решение еще не принято.

Глава седьмая

Дом Лексы походил на свою хозяйку – такой же светлый и жизнерадостный. Лимонно-желтый фасад и белоснежные ставни напоминали коттеджи у моря. Здание опоясывала веранда, на ней стояли плетеные кресла с мягкими сидухами в ярких чехлах и висели качели, которые в июне помог установить Ноа. Они потом сидели на них вдвоем, попивая лимонный коктейль, пока среди плакучих ветвей ивы перед домом не замелькали светлячки.

Летние чехлы недавно сменились на более приглушенные осенние, добавились покрывала. На крыльце по бокам в художественном беспорядке лежали тыквы различных форм и стояли горшки с хризантемами. В этом вся Алексис – что бы она ни делала, все без особых усилий выходило красивым.

Кроме того монстра, который сидел за окном под табличкой с надписью: «ОСТОРОЖНО ЗЛОЙ КОТ».

Пирожок проследил за Ноа подозрительным взглядом, когда тот подходил к крыльцу, поднимался по ступеням и стучал в дверь. Затем кот деловито выставил заднюю лапу и принялся вылизывать отсутствующее достоинство. Ноа еще никогда не пренебрегали так бесцеремонно и в то же время с вызовом.

– Открыто! – раздался из дома приглушенный голос Алексис.

Ноа неуверенно вошел, тревожно смотря под ноги на случай засады.

– Я на кухне!

Проходя мимо зала, он бросил взгляд на диван у окна – Пирожок уже исчез. Ноа нервно сглотнул и оглядел комнату с коридором – ничего.

Кухня соответствовала фасаду дома своими жизнерадостными цветами. Недавно Алексис перекрасила шкафы в насыщенно-бирюзовый и заменила старую фурнитуру из нержавеющей стали на новую – красную, в стиле ретро. В центре стоял длинный стол со стульями, обитыми красным дерматином. Кухня напоминала традиционные американские закусовые.

– Привет, – непринужденно бросила Лекса. Пожалуй, слишком непринужденно.

– Привет! Как... – начал Ноа, но забыл, что хотел сказать, едва она повернулась. Ее волосы были заплетены в косу, перекинутую на грудь; на голове, подобно бандане, повязан яркий шарфик в цветочек, несколько локонов выбились из прически и мягко ложились на щеки, в ушах висели серьги. А когда она пошла ему навстречу, один рукав длинного голубого платья опустился, оголяя матовое плечо. Алексис рассеянно его поправила, явно не догадываясь, какой эффект произвела эта вспышка обнаженной кожи. Она несколько напряженно улыбнулась.

– Как что?

– А? – Ноа заморгал, приходя в себя. – А, точно! Говорю, как вкусно пахнет.

– Я немного переусердствовала с готовкой, – пожала она плечами.

– Нисколько не удивлен.

Алексис жила в постоянном страхе, что ее гости не наедятся. Ноа всегда уходил от нее с гостинцами, которые потом еще пару дней доедал. Однако он подозревал, что сегодня особый случай – сегодня ей наверняка хотелось с помощью готовки отвлечься от тревожных мыслей. Ему слишком хорошо знакома эта потребность.

Вдруг пронзительно зазвенел таймер, и Ноа подпрыгнул.

– Фаршированные грибы для Зоуи, – объяснила Алексис и вытащила из духовки блюдо в фольге. Затем достала из шкафчика другое.

– Еще я сделала картофельную запеканку с сыром для твоей мамы, а для тебя... – торжественно произнесла она и сняла полусферическую крышку с подноса. – Морковный торт со сливочным сыром!

Его любимый торт! Спазм в груди перекинулся на горло.

– С днем рождения, – с застенчивой улыбкой сказала она.

– Выглядит... аппетитно, – хрипло выдавил Ноа.

Алексис на мгновение задержала на нем взгляд и передернула плечом.

– Зачем еще нужны друзья, верно? – Она вновь накрыла торт крышкой. – Я покормлю Пирожка и сбегая за сумочкой. Можешь перенести все это в машину?

– Конечно.

Ноа пришлось делать два подхода, дабы унести все, затем он подождал у выхода, пока Лекса не усадит кота на его трон на спинке дивана, после чего помог ей надеть длинное красное пальто, купленное в секонд-хенде.

– Я закачала новой музыки, – сказала Алексис, забираясь в машину.

Ноа пристегнулся и завел мотор.

– Врубай.

Алексис подключила телефон к USB-порту, и из колонок полилась мелодия – бойкий фолк с ансамблем из банджо, скрипки и акустической гитары. Вскоре Ноа уже пальцами выбивал ритм по рулю.

– Мне нравится.

– Отлично! – широко улыбнулась Алексис. – Потому что эта группа через пару месяцев приезжает в Нэшвилл и я уже купила нам билеты.

Он рассмеялся.

– А если бы они мне не понравились?

– Ты бы из вежливости смолчал, а потом бы мучился на концерте ради меня.

– И то верно.

Песня сменилась, и Алексис сделала погромче.

– Моя любимая.

Периферическим зрением Ноа заметил, как она откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. Алексис не просто слушала музыку, она ею дышала, пропускала через себя и полностью в ней растворялась. Когда они впервые пошли вместе на концерт, он смотрел на нее чаще, чем на сцену, – она танцевала с закрытыми глазами, двигая телом и раскачивая бедрами так, будто рядом никого не было – будто она совершенно одна во всем мире. Поэтому да, если бы ему не понравилась новая группа, он бы все равно поехал с ней на концерт. Только мучиться бы не пришлось – радость подруги скрасила бы вечер.

Едва Ноа припарковался у маминого дома, входная дверь распахнулась и к ним кинулась фигура с рыжей копной волос.

– Зоуи опять перекрасилась? – спросила Алексис с теплыми нотками в голосе.

– Я уже и забыл, какой у нее настоящий цвет волос.

Алексис и выйти не успела, как Зоуи заглянула в машину с отчаянным выражением на лице.

– Умоляю, скажи, что ты привезла что-нибудь вкусненькое!

Зоуи тоже была вегетарианкой.

– Как насчет фаршированных грибов?

– Боже, я тебя обожаю!

Ноа фыркнул и попросил сестру помочь перенести еду. Мама встретила их в коридоре, в руках – поднос с горой сырого мяса.

– А вот и вы! – с улыбкой поприветствовала она.

Ноа чмокнул маму в голову.

– Привет, мам.

Она обменяла свою ношу на его торт.

– Как раз вовремя, именинник. Отнеси-ка поднос Маршу, он на заднем дворе, пытается зажечь гриль.

Мама вытянула свободную руку, чтобы приобнять Алексис.

– Привет, милая. Я сделала тыкву по твоему рецепту, но, боюсь, у меня получилось далеко не так вкусно, как у тебя.

– Наверняка вы мне льстите.

– Она приготовила фаршированные грибы, – сказала Зоуи с таким азартом в голосе, с каким Мак говорил об украшениях для свадьбы.

Мама вновь оглянулась на Ноа.

– Ну, чего встал? Неси мясо, а нам, девочкам, надо поболтать о своем.

Ноа вскинул брови – прогоняют с собственного дня рождения! Алексис поймала его взгляд и не смогла скрыть веселой улыбки.

Вздыхнув, Ноа покорно поплелся в гостиную, затем миновал кухню. Мама жила в этом доме уже больше десяти лет, однако Ноа он по-прежнему казался чужим. Возможно, потому что он никогда в нем не жил. Нет, не только – в нем никогда не жил отец. Повсюду висели его фотографии, но это не одно и то же. Вероятно, именно поэтому мама так хотела переехать. В новом доме не приходилось вспоминать военную машину при каждом взгляде на подъездную дорожку. Не приходилось вспоминать военного в форме, подходящего к порогу, и как оборвалось сердце, когда позвонили в дверь.

– Не открывай! – испуганно прошептала она, вжавшись в стену и скрестив ладони на груди.

От выражения ее лица Ноа похолодел.

– Кто это?

– Никто, – тихо сказала мама странным голосом, будто надеялась силой мысли воплотить слово в жизнь. Затем приложила ладонь к губам.

Зоуи вцепилась в диван и подтянула колени к груди, словно готовясь в любой момент сорваться с места и кинуться на стены или выпрыгнуть в окно – что угодно, лишь бы избежать удара судьбы, затаившегося на пороге.

На деревянных ногах Ноа подошел к двери и отворил.

Даже тогда он понимал, что когда-нибудь забудет некоторые детали того момента. Но понимал также, что никогда в жизни не забудет крика, вырвавшегося из груди мамы, когда она рухнула на пол.

Ноа отодвинул раздвижную стеклянную дверь и вышел на задний двор. У ржавого гриля, который держался лишь на скотче и ностальгии, стоял Марш. На нем были старые выцветшие джинсы и футболка с *Nashville Legends*. Он оглянулся и без всяких приветствий сразу потребовал:

– Помоги-ка с этой штуковиной.

– И вам здрасте.

Подергав конфорку, Марш нажал на кнопку розжига. Раздался щелчок, но больше ничего. Он выругался сквозь зубы и запустил пальцы в седеющие волосы – у него была стандартная короткая стрижка морских пехотинцев с выбритыми висками.

– Этой железяке место на свалке. И почему она не купит новую?

– Сами знаете, – ошетинился Ноа.

Потому что они подарили этот гриль папе на День отца, но он не успел им воспользоваться. Ноа поставил поднос с мясом на стол и подошел к грилю. У него получилось зажечь огонь с первого раза.

– Надо сперва нажать на кнопку и подержать немного.

– Вечер спасен, – сухо отозвался Марш.

– Алексис наготовила столько еды, что хватит прокормить целую армию.

Марш изогнул бровь, и Ноа пожалел о сказанном. Тот вечно доставал его из-за их отношений с Алексис. Он спешно воткнул вилку в кусок стейка и бросил на решетку гриля, однако Марш оттолкнул его руку.

– Да нет же, балбес, рано еще, пусть сперва хорошенько прогреется. Ты, что ли, никогда не жарил стейки?

Ноа закатил глаза и отступил.

– Притащи пива. – Марш кивнул на переносной холодильник у двери.

Он взял две бутылки, откупорил и передал одну Маршу, который опрокинул сразу половину и отрыгнул.

– Еще не спишь с ней?

Ноа едва не захлебнулся.

– Какого хрена, Марш?!

Тот щелкнул языком и вновь приложился к пиву.

– Значит, нет.

– Мои отношения с Алексис – не ваше собачье дело.

– Эй! – прорычал Марш, указывая на него горлышком бутылки, словно пистолетом. – Следи за языком!

– Мы с Алексис просто друзья.

Марш бросил на решетку кусок мяса.

– Между мужчиной и женщиной дружба невозможна.

– Если вы пытаетесь выиграть награду «Сексист года», так держать, вы на верном пути. Нисколько не опечаленный, Марш бросил второй кусок мяса на гриль.

– Такова наша природа. Мужики хотят спать с бабами, а не гулять под ручку и трепаться.

– Да ну? А мама знает об этой вашей теории?

Марш сурово нахмурился.

– Сказал же, следи за языком!

– То есть вам можно меня доставать, а мне нельзя отплатить взаимностью?

– Сам знаешь, у нас с твоей мамой чертовски непростая дружба.

Ага, под «непростая» он подразумевал, что после смерти отца они оба ни с кем не встречались, но и не сходились, поскольку не хотели таким образом предавать отца, так что просто страдали поодиночке.

Марш вновь приложился к бутылке.

– На днях я заключил контракт с новым клиентом.

– С кем-то знаменитым? – Он упивался тем фактом, что Ноа работает со звездами.

– Скорее всего, вы его не знаете. Он молодой исполнитель кантри.

– Хорошо зарабатывает?

– Достаточно.

– Ты встречался с моим финансистом?

Ноа поморщился. Они с Маршем вечно спорили из-за денег. Он уже не знал, как еще объяснить старику, что не намерен обращаться к его финансисту. Ноа предпочитал собственные инвестиции, которые не будут обогащать нефтедобывающие компании. Он как-то попытался рассказать Маршу о растущей индустрии социально ответственных вкладов, однако тот лишь нахмурился, назвал это чепухой либерастов и заявил, что он спускает деньги на ветер.

– Я немного преуспел, – только и сказал Ноа, не вдаваясь в подробности.

Вздорный подросток, все еще живущий внутри, хотел ткнуть Маршу в лицо квитанции с его недавним заработком. Или извещение о полном погашении ипотеки за мамин дом. Или

кредитку с нулевым долгом за обучение Зоуи, которая на следующий год выпустится из университета с докторской степенью.

Однако самого факта было достаточно. Ноа не нуждался в одобрении Марша – только мамы и сестры. И еще Лексы.

Он оглянулся на стеклянную дверь, ведущую в кухню, где подруга и мама с улыбками рассматривали книгу на столе – вероятно, альбом с детскими снимками Ноа, сделанными до смерти отца. После они фотографировались редко.

Ноа еще немного постоял и, допив пиво, сказал:

– Посмотрю, не нужна ли им помощь.

Внезапно дверь в дом отъехала, на пороге появились мама и Зоуи с одинаково потрясенными лицами.

– Она рассказала нам о донорстве, – сказала мама.

– И как все вообще происходит? – спросила Зоуи чуть позже, когда они сидели за обеденным столом. Она проглотила сразу половину фаршированного гриба. – Донорство, я имею в виду.

Алексис, сидящая справа от Ноа, отпила вина из бокала, прежде чем ответить.

– Я пока только изучаю эту тему. Похоже, доноры проходят два этапа осмотра. На первом берут анализы, чтобы проверить совместимость донора с реципиентом. Если они подходят, то нужно сдать дополнительные анализы и пройти некоторых врачей, проверить здоровье.

– Сколько времени это занимает? – спросила мама.

– Обычно около шести месяцев. Но Эллиотт столько не продержится, ему нужна почка к концу года.

– Боже! – выдохнула мама. – Как скоро!

– Два других донора уже сорвались.

– Так что если ты не подойдешь, то... – Зоуи не договорила, и концовка зависла в воздухе.

Алексис бросила взгляд на Ноа.

– Не знаю, что будет.

У Ноа заныло в груди от тона ее голоса – конечно, она знала. Скорее всего, Эллиотт умрет. И, черт, Ноа прекрасно понимал, насколько эта мысль давит на Алексис. Если она не подойдет, то воспримет это как личное поражение. Ноа хотел успокаивающе погладить ее по плечу, но воздержался – за ними пристально наблюдал Марш.

– Должно быть, ты в шоке, – покачала головой мама. – Такая новость, как снег на голову, да еще после всего произошедшего в прошлом году.

Марш что-то пробурчал, и Ноа бросил на него предупреждающий взгляд, который тот живо вернул, невозмутимо отрезая кусок стейка.

– Так что ты собираешься делать? – спросила Зоуи.

- Еще не решила.
Сестра фыркнула.
– Ты просто ангел. Я бы сказала им всем катиться к черту и оставить мои органы в покое.
– Боже, Зоуи! – упрекнула ее мама.
– Ну а что? – пожала плечами та. – По-моему, хотя бы за обдумывание такого варианта Алексис можно записывать в святые. Она даже не видела его, а готова отдать...
– Чего? – прервал ее Марш. – Ты не встречала своего отца?
– Марш, – тихо, но твердо проговорила мама.
– Все нормально, – успокоила ее Алексис, подбираясь. – Я этого не стыжусь. По правде говоря, нет, я никогда не встречала отца. Я даже ничего о нем не знаю. Не знаю, как и когда встретились мои родители и почему он ушел. – Она тяжело сглотнула. – Но, похоже, большую часть моей жизни он жил всего в двух часах езды от меня.
– Где именно?
– В Хантсвилле.
Марш вскинул брови.
– Он военный?
Алексис покачала головой, однако Ноа вмешался, прежде чем она успела ответить. Он понял, к чему клонит Марш, и хотел его остановить.
– Он инженер.
– В НАСА? – непринужденно спросил Марш. Слишком непринужденно.
– Нет, – ответила Алексис. – В какой-то инженерной компании.
Марш откинулся на спинку стула и взял стакан с пивом.
– Большинство инженерных компаний в Хантсвилле – военные подрядчики.
За столом установилась напряженная тишина. Алексис посмотрела на Ноа, тот смотрел на Марша, который смотрел на него в ответ. Зоуи смотрела на грибы. Мама вскочила.
– Кому положить печеной тыквы?

- Почти час спустя, после спешного исполнения «С днем рождения» и еще более спешного прощания, они забрались в машину, и Алексис пригвоздила Ноа суровым взглядом.
– Так что это было? Между вами с Маршем?
Ноа пристегнулся и завел мотор.
– Мама пыталась тебя моими нелепыми детскими снимками?
– Вовсе они не нелепые. Мне понравилась твоя фотка в костюме Бэтмена, когда тебе было семь, и отныне при любой возможности я буду дразнить тебя из-за пушистых усиков в подростковом возрасте. Но не пытайся увильнуть от ответа на вопрос.
Ноа выехал на параллельную улицу.
– Он мне не доверяет.

– Так и знала! – негодуяюще воскликнула Алексис. – Эллиотт работает на военных, и Марш боится, ты что-то предпримешь.

– Ага.

– Но ты больше таким не занимаешься.

– Верно.

– Ты уже давно другой человек.

Ноа покосился на Алексис.

– Я ценю твой праведный гнев, но для Марша я всегда буду тем подростком.

Тем разгневанным подростком с ай-кью гения и жаждой мести за смерть отца. Малолетним бунтарем, который угодил в руки ФБР из-за сумасбродной, провальной попытки взломать систему, которая, очевидно, была ему не по зубам. Подростком, который на самом деле был хактивистской версией мальчика на побегушках; который моментально согласился сотрудничать с ФБР и сдал всех известных ему шишек из своей компании. Мальчишкой, который в глазах Марша никогда не будет способен на подвиг своего отца.

Алексис насупилась, стиснув челюсть.

– Не понимаю, чего он вечно к тебе придирается. Ты ведь уже сотню раз загладил свою вину.

Ноа выехал на трассу.

– Все сложно.

Праведный гнев Алексис сменился желчной усмешкой.

– Вчера ко мне заявила сестра, о которой я даже не догадывалась, и попросила пожертвовать почку для моего давно пропавшего отца. Думаю, я способна переварить сложности.

Ноа оторвал ладонь от руля и потер напряженные плечи.

– Он обещал отцу за нами присматривать. И, когда мы были маленькими, а мама пыталась смириться с потерей, он нам очень помог. Но теперь, кажется, он злится из-за того, что мы больше в нем не нуждаемся. – Он раздраженно выдохнул. – Иногда я даже думаю, его бесит, что я больше не тот бунтарь. Будто ему больше нечем заняться, кроме как устраивать мне взбучки.

– Вряд ли твой отец хотел, чтобы Марш отрывался на тебе до конца жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.